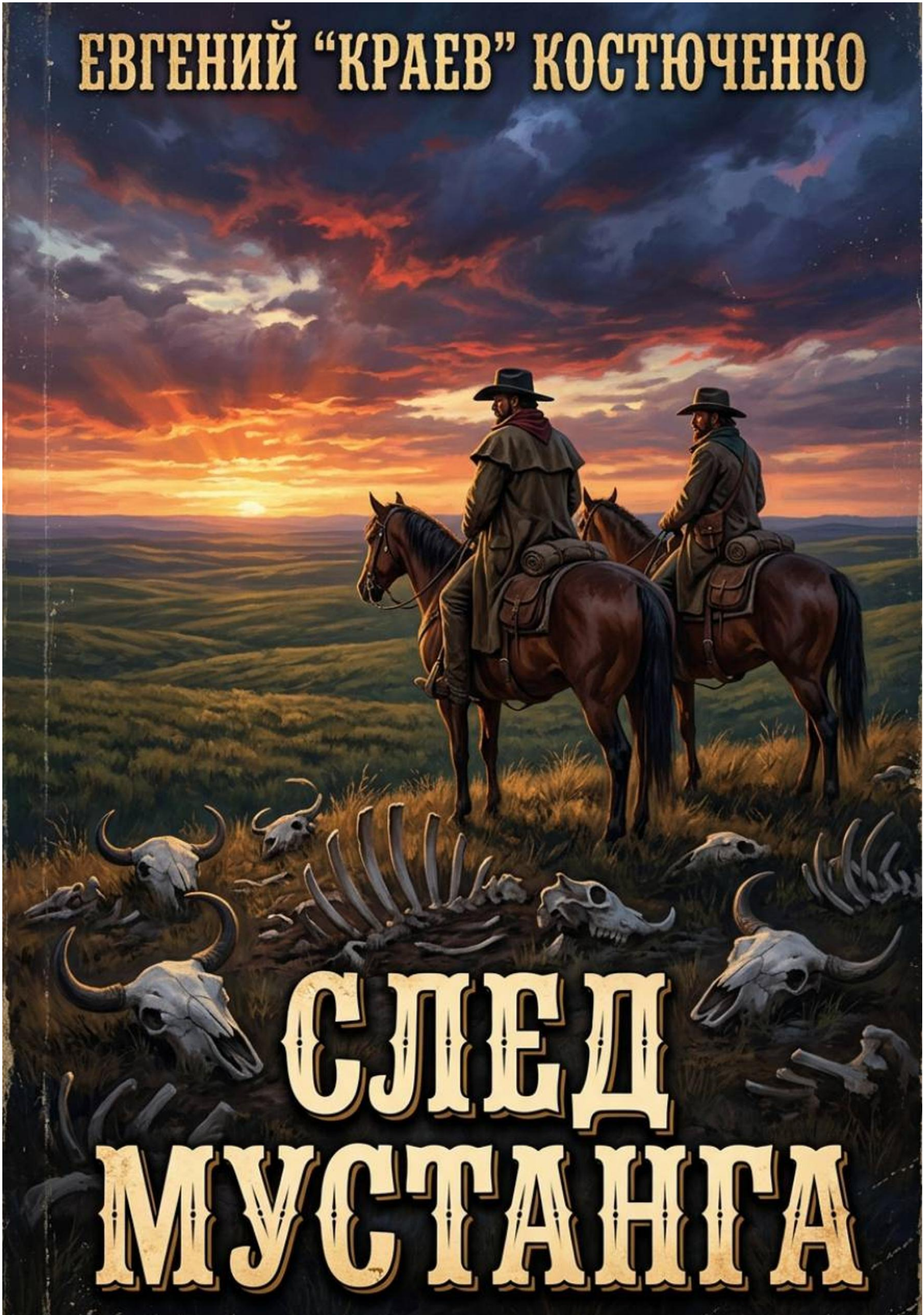
ЕВГЕНИЙ "КРАЕВ" КОСТЮЧЕНКО

СЛЕД МУСТАНГА

Евгений "Краев" Костюченко

След мустанга

«Автор»
2026

"Краев" Костюченко Е.

След мустанга / Е. "Краев" Костюченко — «Автор», 2026

Если ты спрятал кольт и винчестер, чтобы прожить остаток жизни честным фермером, не стоит забывать старые навыки. Потому что где бы ни стояла твоя ферма, она стоит на перекрестке воровских троп. Ведь это - Оклахома...

© "Краев" Костюченко Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

След мустанга	6
1.	6
2.	12
3.	19
4.	25
5	30
6	35
7	43
8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгений "Краев" Костюченко
След мустанга

Евгений «Краев» Костюченко

След мустанга

1.

«Нужна помощь. Энди».

«Ждем тебя на ранчо. Энди».

Стоя на пирсе, Кирилл несколько раз перечитал эти короткие телеграммы.

– Когда они пришли? – спросил он.

– Почти два месяца назад, – ответил телеграфист. – Как только я узнал, что ваша шхуна заходит в порт, сразу помчался на пирс. Подумал, что вы, как обычно, можете и не заглянуть домой. А сообщения мне показались важными.

Матросы загрузили в шлюпку последнюю корзину, и боцман крикнул:

– Все готово, сэр!

– Я остаюсь, – сказал ему Кирилл. – Передайте капитану, что мои указания он получит, когда придет в Веракрус.

До Веракруса его шхуна обычно доходила за три дня. Кирилл надеялся, что за это время успеет решить, куда следовать дальше.

Наутро он уже был в Сан-Антонио, там пересел на товарный до Амарильо, а оттуда к ранчо Энди Брикса его подбросил почтовый дилижанс.

– Привет, Крис! Быстро же ты добрался, – сказал Энди, сходя навстречу с крыльца. – И года не прошло.

– В море был. И зашел в Галвестон буквально на несколько часов.

– Не оправдывайся, братишка. Я знаю, что тебя трудно застать на берегу.

Энди заметно хромал и, подавая руку, пошатнулся. Кирилл подхватил его под локоть:

– С чего тебя так раскачало?

Брикс раскурил угасшую трубку, выпустил струю дыма и только потом ответил:

– Пуля сидит повыше колена, никак не вытащить. Доктор говорит, теперь так и буду ходить с ней.

– Пуля?

– Черт, я и забыл, что ты еще ничего не знаешь…– Энди с трудом уселся на ступеньку и похлопал рядом. – Присядь. Покурим.

– Ну, и чего я не знаю? – спросил Кирилл, доставая сигару.

– Коннорса убили.

Кирилл зажег спичку и смотрел на пляшущий огонек, пока тот не погас. Потом зажег новую, прикурил и уселся рядом с Энди. Они молча дымили несколько минут, прежде чем Кирилл задал вопрос:

– Кто?

– Не знаю. Под Рождество мы с ним перегоняли табун на его ранчо в Оклахому. Нас обстреляли из засады. Эда ранило в грудь, меня в ногу.

С нами был еще один ковбой. Втроем мы отбивались до темноты. К утру Эд умер. Лошади пропали. Ковбой прошелся по следам. Они вели к реке. За рекой живут индейцы. Но наших лошадей у них не нашли. Поэтому я и говорю, что не знаю, кто убил Коннорса.

– У него были враги?

– С соседями он ладил. Но Оклахома – большая. И туда сейчас понаехал всякий сброд. Да это неважно, кем были враги Эда. Важно, что теперь они – наши враги. И мы их найдем, Крис, обязательно найдем.

«Конечно, найдем», – подумал Кирилл. Пятнадцать лет назад Энди Брикс бежал с каторги, чтобы найти тех, кто погубил его друзей.

Кто бы мог поверить тогда, что империя магната Смайзерса развалится под ударами Брикса и его команды? Но ведь это случилось. И первым, кого Энди взял с собой на ту войну, оказался Кирилл. Мальчишка-иммигрант, мечтавший вернуться в родную Одессу, быстро освоился на Диком Западе и даже получил громкое прозвище Потрошителя Банков.

А у Эда Коннорса была кличка Рыжий Шайен, и никто не справлялся с лошадьми лучше него. Когда же война со Смайзерсом закончилась, Эд раньше всех оставил ремесло налетчика. Женился на ирландке, такой же рыжей, как и он сам. После чего прочно осел на земле.

Он никогда не отказывал в помощи друзьям, но главное место в его жизни заняло ранчо. Сначала Коннорс выращивал бычков в Колорадо. Затем, когда местные власти стали слишком назойливо интересоваться его прошлым, перебрался в Оклахому и занялся лошадьми.

Кто теперь будет следить за его табунами? Младшему сыну Эда сейчас, наверно, лет двенадцать, старшему – шестнадцать.

«Что ж, я был ненамного старше, когда оказался в Америке, один-одинешенек, – подумал Кирилл. – Не пропал. Не пропадут и Коннорсы».

– Чем я могу помочь его семье? – спросил он.

– Для этого я и собирал всех. Дик, Сэм, даже Билли примчался из Мексики. Только тебя не было. В последний день Билли придумал: пошлем тебе еще одну телеграмму, и пусть она тебя поджидает. Рано или поздно ты ее прочитаешь, и сразу примчишься.

Дверь распахнулась, и на крыльце показалась Мелинда, жена Энди Брикса. Она держала на руках малыша.

– Крис, как я рада тебя видеть! Но, может быть, ты все же зайдешь? Или умчишься сразу, как всегда?

– Пока не наемся твоих пирогов, никуда не поеду, – улыбаясь, пообещал Кирилл.

Энди выбил трубку о ступеньку и встал.

– Давай к столу. Потом договорим.

Мелинда наготовила целую гору пирогов – с печенкой, с картошкой, с рыбой. Были и самые его любимые – с яйцом, рисом и зеленью. Все семейство Бриксов дружно навалилось на угощенье.

Мальчишки засыпали гостя расспросами, и Кириллу пришлось с набитым ртом рассказывать им о морских приключениях. Он не был здесь больше года, за это время успел сходить в Бразилию, где застрял на пару месяцев, чинясь после шторма.

Парамарибо, Кайенна, Белен – от одного звучания этих слов у пацанов загорались глазенки. А когда Кирилл сказал, что его шхуну зафрахтовали искатели сокровищ, мальчишки повскакивали с мест:

– Искатели сокровищ?!

– Сейчас этим занимаются все кому не лень, – усмехнулся Кирилл. – На любом рынке побережья можно купить о-очень старинную карту залива, где отмечены затонувшие испанские галеоны. Я сам видел несколько таких карт. Сделано со вкусом. Потертая бумага, следы копоти и крови. А на обороте – описание груза, который был в трюмах. Как правило, это золото ацтеков. На такую приманку любой клюнет.

Дело-то нехитрое – нанять подходящее судно и водолазов, которые крутятся тут же, на рынке; да и продавец карт охотно подскажет, кто из них самый удачливый. А потом – выйти в море и болтаться на волнах, пока не надоест. Или пока не кончатся деньги.

– Выходит, сокровищ никаких нет? И все это – сплошной обман?

– Некоторым везет. Команда, которая работает со мной, не покупает карт на рынке. Эти парни несколько лет провели в архивах, прежде чем выйти в море. И кое-что уже нашли. – Он снял с шеи медальон, сделанный из монеты. – Вот, испанский дублон.

Монета переходила из рук в руки, вызывая восхищенный шепот. Энди Брикс попробовал ее на зуб и заявил:

– Да уж, богатая добыча. Долларов за пять можно загнать.

Сыновья не разделяли его скептицизма. И снова набросились на Кирилла с расспросами:

– Когда ты возьмешь нас на шхуну?

– Когда позволят ваши родители.

– И не думайте даже! – отрезала Мелинда. – Столько дел на ранчо!

– Ма, но Крису тоже нужны помощники, – сказал старший. – Отпусти меня. У тебя с папой останутся еще трое, а Крис совсем один!

– Потому он и один, что у него нет времени обзавестись детьми. Все мотается по морям. Жил бы, как все, на земле. Энди, хоть бы ты его наставил на путь истинный.

– По-моему, он вполне доволен жизнью, – пробурчал Брикс. – Разве не так?

– Вполне доволен, – кивнул Кирилл. – А что до детей, то они обязательно появятся. Как только я встречу такую же, как ты, Мелинда.

– И где же ты ее встретишь? В Бразилии? Тебе надо жить среди нормальных людей.

– Вот поедем к Коннорсам в Оклахому, там полно невест, – сказал Энди, отодвигаясь от стола. – Пойдем, братишка, покурим на свежем воздухе. Не могу сидеть под крышей так долго.

Они прошлись по просторному двору. Остановившись у забора, Энди снова набил трубку.

– Так чем я могу помочь? – спросил Кирилл.

– Ты же понимаешь, что такие дела нельзя оставлять без ответа. Кое-кто может решить, что семья осталась без защиты. Что теперь с Коннорсами можно делать что хочешь...

– Я все понимаю. Что ты задумал?

– Эд рассказывал, что шериф – толковый парень. И мы…

– Ты хочешь обратиться к шерифу? – перебил его Кирилл. – Не думал, что когда-нибудь услышу от тебя такое.

– Брось, Крис. Столько лет прошло. Теперь я уважаемый человек. Отец семейства. Если уж на то пошло, то в Оклахоме мы с тобой и мухи не обидели. А что творилось когда-то в других штатах, не касается местного шерифа. Нет, ему можно доверять.

Федеральный маршал Даррет, кому мы оставили заявление насчет табуна, тоже дельный мужик…

– Просто в голове не укладывается, – снова остановил его Кирилл. – Похоже, мы слишком долго не виделись. Ты что, сам пришел к федеральному маршалу? И сам подал заявление о нападении?

– Почему сам? Сам я и двух шагов сделать не мог, валялся на кровати. Это все Билли. Он владелец, ему и суетиться. Лошадки-то были из его конюшен. Чистокровные галисеньо. Ты бы видел, в каких роскошных вагонах они прибыли ко мне. Если бы Эд жил поближе к железной дороге… – Брикс махнул рукой. – Да ты не волнуйся. Билли сейчас – о-го-го! Такой важный джентльмен. Что ему маршал? Если надо, он и до президента дойдет, да еще и подружится с ним. Удивляюсь, как он до сих пор не стал каким-нибудь сенатором…

Кириллу оставалось только руками развести. Илюха Остерман, подмастерье с Большого Фонтана, сделал неплохую карьеру в Америке. Начав с уличной шайки в портовых трущобах Нью-Йорка, он превратился в крупного коннозаводчика. Сейчас его звали Уильям Джозеф Смит, и жил он то в Мексике, где владел целой долиной, то в Аризоне, в огромном поместье.

Кирилл навещал его каждый раз, когда Инес, жена Илюхи, рожала очередного наследника. При встречах они все меньше и меньше говорили о прошлом, потому что было много других тем для разговора. Но прошлое не исчезает оттого, что о нем не говорят.

– Билли сразу нашел, куда сунуться, – продолжал Брикс. – Там всем заправляет горнорудная компания. Так он пришел к управляющему и заявил ему: хочу, мол, вложить бабки в развитие вашего города. Слово за слово, ты же его знаешь. И между делом сказал, что о городе узнал случайно. Мол, тут неподалеку случилась у него неприятная история с табуном. И что ты думаешь? Через пять минут перед ним стоял федеральный маршал!

– И все же нам не стоит привлекать к себе внимание, – осторожно сказал Кирилл.

– А мы и не будем привлекать, – заверил его Энди. – Мы все сделаем тихо и незаметно. Пускай шериф со своими молодчиками рыщет по округу. Мы подождем, когда у него появятся подозреваемые. И сами на них выйдем.

Я не хочу перекладывать свои обязанности на оклахомского палача. Да еще неизвестно, отправят ли этих ублюдков на виселицу. Нет, Крис. За Эда мы рассчитаемся сами. Верно?

– Это уже звучит лучше. Но почему ты так уверен, что шериф кого-нибудь найдет? Не придется ли нам сидеть там всю жизнь?

– Не придется. – Энди оглянулся и понизил голос. – Есть идея и более разумная. Слушай. Когда наступит подходящее время, мы снова погоним лошадей на ранчо Коннорса. По той же тропе.

– Думаешь, те ублюдки опять нападут?

– Это было бы неплохо. Уж мы с тобой постараемся, чтобы об этом табуне знали в окрестных салунах. И потом, когда мы сделаем свое дело, все будут знать, что Коннорсов лучше не трогать.

Кирилл облегченно вздохнул:

– Так бы сразу и сказал. А то – шериф, маршал… Ты хорошо знаешь тропу? Может быть, пройдемся по ней заранее?

– Узнаю тебя, братишка, – улыбнулся Брикс. – Все понимаешь с полуслова. Конечно, пройдемся. Прямо завтра с утра. Может быть, ловушка и не сработает с первого раза. Ничего, запасемся терпением. А может быть, ты что-нибудь придумаешь. Ты ведь у нас мастер придумывать всякие трюки.

– На сколько стволов ты рассчитываешь?

– Ты и я – уже два ствола, которые стоят десяти. Подъедет Сэм, а он стрелок покруче нас с тобой. Я уж не говорю про Дика.

– Когда ты их вызовешь?

– Сначала все разведаем. Кстати, Дика и вызывать не придется – он сейчас живет на ранчо Коннорса. Помогает Мойре. И шныряет по округе. Думаю, он уже мог кое-что и разузнать.

– А Билли? Ты забыл о Билли.

– Я не забыл. – Брикс попыхтел трубкой, окутываясь дымом. – Как я мог забыть? Ты же знаешь, он мне как брат. Но ему мой план не понравится. Он, конечно, увязался бы за нами, но через силу. Пусть каждый делает то, что у него выходит лучше всего, верно?

– Мне надо дать телеграмму, – сказал Кирилл.

Энди озадаченно потер висок.

– Я и не подумал, что у тебя кто-то остался дома.

– Никого у меня нет. Это для капитана. Сейчас он идет в Мексику. Я ему напишу, чтобы возвращался не раньше июня. Думаю, за два месяца мы управимся.

***

Местность, что ныне звалась Оклахомой, веками оставалась незаселенной. Кочевники пересекали ее вслед за стадами бизонов, нигде не задерживаясь надолго. Нога белого человека

ступила на эту землю только тогда, когда начались поиски водного пути между двумя океанами. Энергичные предприниматели веровали, что Бог не мог создать континент, который нельзя было бы пересечь на барже, полной товаров и переселенцев.

С одной карты на другую переходила река Сан-Буэнавентура, несшая свои воды от Великих Равнин к Тихому океану. Но, как выяснилось после многолетних поисков, все карты врали.

Первым наврал безвестный испанский картограф. Может быть, касса мадридского двора оскудела на несколько лишних дублонов, заплаченных «первопроходцу» в качестве премии.

Все остальные переписчики карт врали совершенно бескорыстно, и тем самым ввергли в огромные расходы топографических инженеров Соединенных Штатов. Потратив десятки лет на блуждания по горам Колорадо, обозленные географы украсили карту примечанием: «Все земли к востоку от Скалистых гор представляют собой безводное, безлесное и безжизненное пространство».

Когда новая карта Америки, исправленная и дополненная, попала на стол к военному министру Джону Кэлхуну, он быстро сообразил, как можно использовать обширные пространства пустыни. По его проекту туда следовало переместить примерно сотню тысяч индейцев из района Великих Озер и из южных штатов. В результате перемещений ценные восточные земли освобождались для белых поселенцев, ликвидировалась угроза расовых конфликтов, а индейцы получали прекрасную защиту от болезней и грехов белого человека.

В дальнейшем отселенные дикари должны были впитать достижения цивилизации и демократии, избрать достойных руководителей и создать свой собственный, чисто индейский штат. И тогда уже и прочие краснокожие будут переселены на свою новую родину.

На осуществление своего грандиозного проекта Кэлхун запросил всего-навсего тридцать тысяч долларов – именно столько, по его расчетам, следовало заплатить индейцам, чтобы те согласились покинуть родные леса.

А после переезда пустыню следовало окружить системой пограничных фортов, чтобы создать постоянную внутреннюю границу. Вот тогда «индейская проблема» была бы решена навеки.

Проект был принят, и индейцев переселили. Но граница была слишком зыбкой и прозрачной. Ее легко и часто пересекали с обеих сторон. Причем торговцы, охотники и старатели, возвращавшиеся с индейской территории, приносили с собой не только пушнину и золото, но и новые сведения об этих землях.

И снова потянулись караваны экспедиций. На этот раз они принялись обследовать прерию и каньоны, чтобы доказать очевидное – раз тут живут индейцы, значит, выживут и белые.

Миф о Страшной Пустыне заменили легендой о Цветущем Саде. Места в этом саду хватит на всех желающих, оставалось только нанести его на карту, чтобы, сгрудившись над столом где-нибудь в тесной чикагской квартире, можно было поделить между собой участки в далекой Оклахоме.

Карты составили, в газетах началось обсуждение вопроса – по какому, собственно, праву индейцы занимают столь обширное пространство? Население Соединенных Штатов росло с небывалой быстротой, и люди, не желавшие тесниться в городах, рвались на новые земли. А краснокожие использовали огромную территорию крайне нерационально. Они не прокладывали там железных дорог, не строили заводов и шахт, не выращивали скот. Если они не способны к труду, почему бы не доверить их землю более рачительным хозяевам?

22 апреля 1889 года почти сто тысяч мужчин и женщин собрались вдоль границы Территории Оклахомы. Кто-то прибыл сюда верхом, кто-то пешком. У одних за спиной высился огромный фургон, другие держали перед собой ручную тележку. Толпа терпеливо дожидалась сигнала, чтобы перешагнуть границу.

Наконец, по команде армейских офицеров, ровно в полдень прозвучал артиллерийский залп. Скрип колес и топот копыт огласили просторы прерии. Со всех сторон доносился стук молотков, вбивающих в девственную землю заявочные столбы.

Спустя всего несколько часов почти два миллиона акров земли, еще утром принадлежавшей индейцам, обрели новых хозяев. К вечеру того же дня невзрачные поселки Гатри и Энид превратились в города с пятитысячным населением.

Однако, продвигаясь в глубь Территории, недавние жители восточных штатов с удивлением обнаруживали, что на пастбищах уже пасутся не дикие бизоны, а домашний скот. Встречались им и ухоженные фермы, и пшеничные поля, огороженные колючей проволокой, а среди пологих холмов кое-где маячила ажурная вышка ветряка.

Оказалось, что на засушливых и небезопасных землях уже давно поселились смельчаки, которые основали здесь хозяйство, не дожидаясь особого разрешения.

Впрочем, свободных земель было так много, что споры из-за участков были крайне редкими. Вопреки мрачным ожиданиям, с индейцами тоже не возникло никаких проблем. Шайены, апачи и команчи были уже не те, что раньше. Гордые и воинственные вожди были к тому времени истреблены, и краснокожие предпочитали держаться от белых подальше. Гораздо опаснее индейцев были те, кто скрывался в Оклахоме от правосудия.

Самые безрассудные и отчаянные убийцы, грабители и конокрады собрались в лесистых холмах между Симарроном и Канэйдиан-Ривер. Не было такого преступления, на какое они бы не пошли ради нескольких долларов или бочонка виски. И на новейших картах Оклахомы не хватало только примечания: «К западу от Миссури нет Закона, а к западу от Арканзаса[1] нет и Бога»

[1] Миссури, Арканзас – реки, по которым в 70-х – 90-х годах проходила условная граница освоенных земель

2.

Они неспешно скакали по сухому руслу, когда ветер донес запах дыма и паленой шерсти.

– Где-то поблизости клеймят скот, – сказал Кирилл.

– Значит, мы сбились с пути. – Энди остановил лошадь, оглядываясь. – До ближайшего ранчо должно быть миль сорок, не меньше.

– Клеймить можно не только на ранчо.

Русло привело их к широкому, округлому каньону с отвесными стенами. Здесь и в самом деле клеймили скот. Трое всадников теснили небольшое стадо к стенам каньона. Черный бычок лежал на песке. На его голове сидел ковбой, другой натягивал лассо, обвившее задние ноги бычка, а еще двое замерли над выпуклым черным боком, разглаживая шерсть. От низкого костерка стелился дым. Голый по пояс человек в кожаном фартуке подержал над прозрачным пламенем длинный штырь с решеткой на конце, а потом шагнул к лежащему бычку. Клеймо медленно опустилось на шерсть, бычок дернулся, и ковбои вскочили, ослабив лассо.

По тому, как тщательно прикладывалось раскаленное железо к дергающейся коже, было ясно, что идет не просто клеймение, а подмена клейма. Так обычно поступали с ворованным скотом – поверх старого знака выжигали новый.

Скотокрады были слишком увлечены работой, и поэтому не заметили посторонних. Кирилл натянул поводья, заставив коня пятиться, и негромко сказал:

– Сматываемся…

Но молодая кобыла Брикса заартачилась, мотая головой, и недовольно всхрапнула. Один из ковбоев оглянулся и наклонился к ружью, что лежало у его ног.

– Уходим! – крикнул Кирилл. – Давай назад!

– Поздно! – Энди скинул с плеча дробовик.

Да, разворачиваться было поздно – кому охота подставлять спину под шесть стволов? Кирилл выстрелил в того, кто уже вскинул винчестер, и винтовка отлетела в сторону. Рядом грохнул дробовик Брикса. Картечь заставила скотокрадов упасть на песок, закрывая головы. Кирилл резко послал коня вперед. Стреляя на ходу, они пролетели мимо костра и в три прыжка выбрались из русла, оставив каньон позади.

Пока они разгонялись по траве, сзади было тихо, и Кирилл подумал, что на этом все и кончится. Но за спиной прогремел выстрел. Кирилл оглянулся и увидел, что все шестеро, бросив скот, скачут за ними.

– Кажется, мы им понравились! – крикнул он.

– А они мне не очень, – ответил Энди, держась рукой за бок. – Рубашка была почти новая.

– Тебя зацепило?

– Немного.

Брикса следовало перевязать, но не было времени останавливаться. Шестеро скотокрадов явно не желали отставать. Они, видно, очень дорожили своим потайным загоном. Теперь им оставалось либо уничтожить тех, кто прознал о нем, либо устраивать новый тайник.

Кони хорошо отдохнули за ночь и сейчас показывали все, на что были способны. Кобыла Брикса, казалось, летела над седой травой, а Кирилл придерживал мерина чуть сзади. Он с беспокойством замечал, что синяя рубашка Энди на спине изрядно потемнела. Черное пятно шириной с ладонь расползалось над поясом.

Заметив, что погоня немного отстала, они тоже сбавили ход, давая передышку лошадям. Кирилл бросил свой вязаный шарф Бриксу, и тот на ходу обмотался им, скрыв рану.

– Отлично! – бодро сказал он.

Кирилл не нашелся, что ответить, потому что шарф моментально пропитался кровью.

–Ничего, Крис, в горы они за нами не полезут. – Энди ощупал бок и, увидев кровь на ладони, выругался. – Вот не думал, что сквозная рана может доставить столько неудобств.

Кони преследователей снова перешли на рысь, их силуэты стали яснее.

– Вперед!

Лошади сорвались так, что ветер засвистел в ушах.

Под копытами гудела каменистая земля. Пыльные кактусы проносились мимо. Горы незаметно вырастали и прорисовывались впереди. Поначалу Кирилл надеялся, что на склонах им сразу удастся укрыться в лесу. Но теперь он видел – леса нет. Есть лишь глинистые голубые откосы и белые языки осыпей. Только за голым гребнем отрога призывно зеленели макушки леса, покрывающего далекие склоны.

– Перевалим через отрог! В лесу им нас не взять! – крикнул он.

– Нас постреляют на подъеме, – возразил Энди. – Будем гнать по прямой. Пока не отвяжутся!

Его губы посерели, и голос звучал слабо. «Он теряет кровь, – подумал Кирилл. – Лишь бы удержался в седле, лишь бы не вырубился на скаку».

– Пить хочешь?

– Хочу, но не буду. Жалко воду – выльется из чертовой дырки.

Порыв свежего ветра окатил лицо. Впереди, в почти отвесной серой стене отрога темнел провал. Это могла быть простая расщелина, но там мог оказаться и проход.

– Сворачиваем сюда! – крикнул он.

Брикс ничего не ответил. Он, казалось, задремал в седле. Но сидел ровно, и не выпускал поводьев из побелевших пальцев.

Еще один рывок, и под копытами завизжала галька. Они свернули в мрачное ущелье с отвесными стенами. Подковы скрежетали по валунам.

Ущелье понемногу расширялось. Его стены словно раздвигались в стороны с каждым поворотом, в них виднелись глубокие жерла пещер и промоины, в которых поблескивали ручейки. Далеко впереди в просвете между скалами зеленел лесистый склон.

«Вот куда нам надо!» – обрадовался Кирилл. Но тут же понял, что преследователи угадают, что он двинулся туда, к спасительному лесу.

Он свернул в сторону, в узкий коридор, который становился все теснее и теснее. Если сверху сорвется камень, от него не увернуться. Кирилл ехал медленно и осторожно, оглядываясь и вслушиваясь в каждый звук, отражавшийся от голых и бесконечно высоких стен ущелья.

Под копытами иногда поблескивали лужицы, а на валунах нарядно зеленели пятна мха. Впереди вдруг послышался шипящий глухой удар, за ним еще один, и еще, и в воздухе появилась изморось. Если закрыть глаза, можно было подумать, что стоишь на берегу моря, и перед тобой бьются волны. Что за чертовщина?

Кирилл свернул за острый край скалы, и перед ним распахнулась каменистая долина. Шагов сто в поперечнике, она тянулась между отвесными скалами не больше, чем на милю, заканчиваясь узкой горловиной ущелья. И все это пространство было испещрено сверкающими лужицами, над которыми завис слоистый туман. Внезапно прямо из земли вырвалась струя воды. Фонтан, окутанный паром, поднялся выше человеческого роста, а потом с плеском обрушился на гальку, и от каменных стен отразился звук набежавшей волны.

Мерин остановился как вкопанный, замотал головой и попятился назад.

– Ну же, вперед! – попросил Кирилл, ободряюще похлопав коня по шее, но тот только встряхнул гривой и не подчинился.

– Чего ты испугался, дурак? Это просто вода!

Кирилл спрыгнул на камни и потянул узду, пытаясь сдвинуть коня с места. Мерин уперся, низко опустив голову, и Кириллу стало ясно, что ему с ним не справиться.

– Ну и черт с тобой! – Он не мог тратить больше ни секунды. Взвалив Энди себе на плечи, Кирилл зашагал по скользким камням.

Нет существа более пугливого, чем лошади. Наверно, потому, что они видят опасность там, где человек не замечает никакой угрозы. Кирилл понял это слишком поздно, когда пригляделся к лужицам под ногами. Вода в них бурлила, как в котле.

Ему приходилось слышать о кипящих источниках, но он никогда не думал, что рядом с ними человек чувствует себя так неуютно. До него дошло, что сейчас они пробираются над гигантским котлом с кипятком. Один неверный шаг – и ты сварился. Кирилл уже забыл о преследователях, о ране Брикса и обо всем на свете, и думал только о том, как бы выбраться из этой кастрюли и остаться *сырым*. Утешал его только неуверенный цокот копыт за спиной. Лошади вряд ли избавились от страха, но остаться без человека им было еще страшнее.

Он дошел до середины котловины, когда сразу два гейзера ударили одновременно. Стена горячего пара встала перед глазами, и Кирилл надолго остановился, переводя дух. А когда туман немного рассеялся, он увидел перед собой расплывчатый силуэт.

Кто-то двигался ему навстречу.

Только сейчас Кирилл вспомнил, что все его оружие осталось в седельных чехлах.

***

Впереди, в десятке шагов, стоял человек в белой крестьянской одежде и соломенной шляпе. Он был без оружия. Его босые ступни казались черными от въевшейся пыли. За ним маячила коренастая буланая лошадка без седла. Желтоватые бока влажно блестели, а черный хвост был обвит шнуром почти по всей длине так, что только на конце виднелась кисть волос. Под ногами у лошади лежали на гальке два объемистых мешка, связанных между собой.

Человек легко перевалил мешки через хребет лошадки, похлопал ее по шее и оглянулся.

Это была девушка, смуглая и сероглазая. Она отвела пепельно-русую прядь со лба, спрятав ее под шляпу.

– Иди там, где я, – сказала она.

Затем развернулась, похлопала свою кобылу по крупу и пустила ее перед собой.

Кирилл тронулся следом, и обе лошади постукивали копытами сзади, боясь отстать.

Буланая двигалась причудливыми зигзагами, то далеко обходя безобидные лужицы, то напрямую пересекая широкие разливы, и Кирилл, с Бриксом на плечах, повторял все ее маневры. Джинсы намокли и прилипали к бедрам. На лице оседала роса. Туман порой становился таким густым, что Кириллу казалось, будто он никуда не идет, а топчется на месте…

Дно ущелья круто поднималось кверху, и он запыхался, пока дошел до конца. Прямо под ним раскрылся зеленый травянистый склон, спускающийся к просторной долине. Слева и справа высились толстые кедры, и густой темный лес поднимался выше по склону. Оказывается, это ущелье рассекало гору, и, двигаясь по нему, они прошли ее насквозь.

– Спасибо, – сказал Кирилл проводнице. – Вы нас очень выручили, мэм.

Она покачала головой и приказала:

– Положи его.

Он опустился на колени и бережно перевалил обмякшее тело Брикса на траву.

Проводница разрезала ножом окровавленный шарф. Энди лежал на боку, и когда незнакомка распорола его рубашку, стало видно, где вошла пуля, и где она вышла. Дырка чернела спереди под ребром, выходное отверстие оказалось под лопаткой, скрытое под сгустками крови. Девушка накрыла оголенный бок свернутым платком. С треском разорвав рубашку Брикса, она скатала ее в трубку, разгладила и обернула вокруг пояса, затянув узел.

– Не трогай его, пусть лежит так. Я скоро вернусь, – сказала она, вставая.

И ушла вниз по склону, ведя за собой буланую кобылу.

Энди лежал неподвижно. Кирилл еще никогда не видел его в таком состоянии, хотя им когда-то и случалось лечить друг друга от огнестрельных ранений, ушибов и похмелья. И метод всегда был один и тот же – повязка, холод и покой.

– Полежи пока, старик, – сказал он другу и расстегнул его оружейный пояс. – Сейчас придет доктор, принесет лекарство. А я позабочусь о твоем покое. Тебе удобно так?

Он не отвечал, и это был плохой знак. Кирилл знал, что сейчас раненого нельзя оставлять одного. Следовало сидеть рядом, касаться его, разговаривать с ним, чтобы не дать соскользнуть в ту яму, откуда очень трудно выбраться….

– Братишка, ты здесь? – едва слышно прошептал Энди.

– Здесь, здесь! – обрадовался Кирилл. – Не бойся, я рядом.

– Раньше мы всегда стреляли первыми, – сказал Брикс, не открывая глаз. – Обидно…. Не говори мальчишкам, как по-дурацки я погиб.

– Не болтай! Тебе надо беречь силы.

Кирилл отвел лошадей ниже по склону и привязал их за разросшимся кустом. Прямо напротив выхода из ущелья лежала пара валунов, и он устроился между ними, держа винчестер наготове. Если преследователи и появятся в этом тесном проходе, он сможет их встретить.

Но из ущелья не доносилось никаких тревожных звуков. Зато ниже по склону скоро послышались голоса. Незнакомка возвращалась в сопровождении трех других женщин. Они были в черных платьях и белых платках. Вслед за ними поднимался коренастый широкоплечий мужчина в такой же белой крестьянской одежде, как и проводница, но в сапогах и в черной шляпе. Храня полное молчание, женщины переложили Брикса на одеяло, подняли с травы и понесли вниз. А мужчина поднялся к Кириллу и сказал, махнув рукой в сторону ущелья:

– Кого ты ждешь? Оттуда никто не выйдет.

– За нами увязалась какая-то банда. Угонщики скота. Они могут догнать нас по следам.

– Следы? В кипящем каньоне не остается следов. И до сих пор еще никому не удавалось пройти там без проводника.

– Надеюсь, не удастся и сегодня, – сказал Кирилл, поднявшись из-за валунов.

– Меня зовут Питер, – мужчина широко улыбнулся. – Наш дом внизу. Это мои сестры. Они позаботятся о твоем друге.

– А меня зовут Крис. Спасибо. Мы ваши должники.

Он пожал плечами:

– Я ничего для вас не сделал. Скажи спасибо Полли. Это она вас нашла.

Он был таким же смуглым и светлоглазым, как и его сестра, но оказался отнюдь не таким же молчаливым.

– Хорошая лошадь, – сказал Питер, отвязывая кобылу Брикса. – Дорогая. Маленькая голова, сильные ноги, тонкие копыта. Наверно, быстро бегает?

– Быстро.

– Твой друг, наверно, умрет, – сказал Питер. – Ты возьмешь его лошадь с собой? Я мог бы купить ее.

– Мой друг не умрет, – сказал Кирилл.

Они спускались по травянистому склону. Внизу, за невысокой рощицей, стояли вразброс несколько бревенчатых домов. Едва заметная дорога уходила от них к реке и терялась за деревьями. Дальше на склонах холмов виднелись прозрачно-зеленые прямоугольники полей и чересполосица огородов.

– Это твоя ферма? – спросил Кирилл.

– Это *тоже* моя ферма. Есть еще другая, большая. Там лошади, коровы, мулы. Там мельница. А здесь живет мой отец, и Полли с ним. Сегодня мы пришли к нему в гости. Я, сестры, их дети. Это хорошо для твоего друга. Мы поможем ему. Все будет хорошо. Если он не умрет.

– Откуда вы? – спросил Кирилл, потому что никогда прежде не слышал такого говора.

– Саванна, Джорджия. А ты откуда едешь?

– Из Техаса, – сказал Кирилл.

– Техас? Это очень далеко. Смелые вы парни. У нас тут вдвоем не ездят. Не боитесь грабителей?

– У нас нет ничего ценного.

– Ничего ценного? – Питер оглядел его. – Шляпа хорошая. Оружие. Сапоги совсем как новые. Лошадь с седлом – это целое состояние. Здесь не грабят. Здесь убивают. И оставляют лежать голый труп. Через два дня от тела остается только несколько костей. А ты говоришь «ничего ценного».

– Да, – только и мог сказать Кирилл. – Весело вы тут живете.

– Хорошая лошадь у твоего друга. Такие лошади не любят седло. Ей нужна легкая коляска. Ей нужен овес, а не колючки. Ее нужно каждый день чистить. Я знаю, это дорогая лошадь. Это лошадь для богатого человека.

– Ты богатый?

– Не знаю. Наверно, нет. Но твой друг тоже не похож на богатого человека.

– Богатые и бедные выглядят примерно одинаково, когда получат пулю в бок, – заметил Кирилл.

– Ты прав, – Питер рассмеялся.

Пока они дошли до фермы, он еще несколько раз заводил разговор о кобыле Брикса. Кирилл старался отвечать уклончиво и дипломатично.

Давно уже он не встречал такого словоохотливого собеседника. В том кругу, где ему приходилось вращаться, не принято было много говорить, особенно с незнакомцами.

От домов к ним бежали трое мальчишек. На них были такие же белые домотканые штаны и рубахи, как на Питере и его молчаливой сестре.

– А вот и племянники, – сказал Питер. – Сейчас начнут драться из-за кобылы, кому за ней ухаживать. Дикари. Что с них взять, если отец – индеец…

Они были похожи, как три капли воды, но это были разноцветные капли. Один был белобрысый, другой – с черными прямыми волосами, а третий – рыжий и кудрявый. Все трое – смуглые, скуластые и светлоглазые. После короткой перебранки ребятишки перехватили лошадей и повели их в конюшню. Питер едва успел скинуть с буланой два навьюченных мешка.

– Осторожнее! – раздался женский возглас, и Полли, подбежав к ним, бережно взялась за обвязанные горловины мешков.

– Я помогу, – Кирилл наклонился к ней, но тут же выпрямился, обожженный гневным взглядом.

Питер коротко рассмеялся, глядя вслед сестре, которая волокла мешки по траве.

– Можно подумать, у нее там банкноты Федерального казначейства, – озадаченно сказал Кирилл.

– У нее там пейот.

– Что? Кактус?

– Да. Только она может собирать пейот, – важно заявил Питер. – Она его видит. Другим пейот не дается.

– Зачем вам столько? Два мешка…

– Она собирает два мешка каждый месяц, – сказал Питер. – Нам нужно много пейота.

– Но для чего?

– Для жизни. Чем, по-твоему, мы будем лечить твоего друга? – Питер прильнул к окошку дома и подозвал Кирилла: – Давай посмотрим, как у него дела.

Энди, совершенно голый, лежал на высокой кровати лицом вниз. Коренастый лысый старик с огромной седой бородой колдовал над его раной. На полу стояла большая глиняная миска, наполненная окровавленными лоскутами. Старик промакнул рану и бросил в миску очередной лоскуток, а стоявшая рядом женщина в черном платье тут же протянула ему новый.

Питер потянул Кирилла за руку:

– Отец его вылечит. Когда рана безнадежная, он не берется за лечение. Пойдем, сейчас нас покормят.

За домом под деревом был накрыт небольшой стол с двумя лавками, врытыми в землю вдоль него. Рядом с кофейником на белой фаянсовой тарелке высилась гора душистых оладий. В открытой масленке таяла ярко-желтая пирамида масла, а на блюдце расплывался густой бурый мед.

– Садись, – сказал Питер и сел первым, перекрестившись. Свою шляпу он повесил на ветку. – Ешь. Все наше, домашнее. Мы не покупаем еду.

– Я не заметил по дороге ни одной лавки, где можно было бы купить хоть что-нибудь, – сказал Кирилл, пристраивая свою шляпу рядом. На этой ветке было еще несколько оструганных сучков, предназначенных для шляп.

– Ты просто пришел не с той стороны. Там, за рекой – поселок, в нем есть пара лавок. Еще дальше есть город, есть и станция. Можно сесть на поезд и поехать, например, в Даллас или Литл-Рок. Это большие города, и там можно купить много полезных вещей. Но еду покупать глупо.

– Такую еду не купишь, – согласился Кирилл, намазывая мед. – Вкусно. Никогда не видел такого меда.

– Этих пчел мы привезли из самой Джорджии, – с усмешкой сказал Питер. – Они все пережили вместе с нами. Они вместе с нами горели и вместе с нами тонули, и теперь живут здесь вместе с нами. Пятнадцать лет мы живем здесь.

– Неужели пчелы живут так долго?

– Да нет, пчелы умирают быстро. Но семья остается та же самая.

– А где вы тонули?

– На Миссисипи, где же еще, – гордо сказал Питер. – Мы ехали на пароходе. Взорвался котел. Начался пожар. Мы были на правой стороне, и она вся обвалилась в воду. Лошади утонули, корова тоже. У нас было два мула, они тоже утонули. Хорошо, что все наши вещи, и пчелы тоже, были в телеге. Телега не утонула. Мы держались за нее.

– Когда это было?

– Семьдесят девятый год. Апрель. Пароход «Быстрая Стрела». Может быть, слышал? Там погибло много народу, об этом еще долго вспоминали.

Слышал ли он о затонувших пароходах? В семьдесят девятом году Кирилл еще жил в Одессе. Бывало, что пароходы тонули. Но об этом не принято было вспоминать.

– Может быть, и слышал, – сказал он.

– В апреле вода очень холодная. Люди умирали от холода, даже те, кто смог выбраться из воды. Умирали на берегу. Нас было четыре семьи, и все остались живы. Только без лошадей и мулов. Толкали телегу сами. Восемь дней до города. Город Вильсон. Там купили вскладчину пару мулов и пошли дальше на запад. Саванна, Атланта, Мемфис, Вильсон. Потом Арканзас. Все время на запад.

– Тогда многие ехали на запад.

– Мы искали хорошую землю. Мы дошли до края земли.

– По-твоему, здесь край земли?

– Да, – сказал Питер.

Из дома вышел старик, вытирая руки полотенцем. Увидев Кирилла, он сказал:

– Много крови потерял твой друг. Будет долго лежать. Пуля сломала ребро и вылетела наружу. А могла и в сердце ударить. Счастливый твой друг.

– Что я могу сделать? – спросил Кирилл.

– Ты? Ничего тебе не надо делать. Только ждать. Мы все сделаем сами, – сказал старик. – Он будет лежать здесь. Ты можешь пожить у нас, пока твой друг не встанет на ноги.

3.

– На ноги-то он встанет, – проговорил Питер, когда старик снова скрылся за дверью. – Да только будет стоять на них, как жеребенок, только что родившийся. Далеко вам ехать?

– На ранчо Коннорсов.

– Тогда еще ничего, доедет, – кивнул Питер. – А Коннорса я знал. Хороший хозяин. Многие считали его несносным гордецом, потому что он держался особняком. Так же, как и я. И еще он водился с индейцами. Тоже – как я.

– Он разводил лошадей. Ты тоже?

– Нет. Первое время он держал только овец. Сам жил в пещере. В большой пещере держал овец, а в маленькой жил сам. Это позже он научился делать саманные кирпичи и построил дом. А сначала в пещере жил. Через два года обзавелся лошадьми. Сам их отлавливал в степи, сам приручал. Здесь было много одичавших лошадей. У Коннорса был отличный табун. Многие ему завидовали.

– Кто? – стараясь не выдать волнения, спросил Кирилл.

– Многие, – уклончиво протянул Питер. – Он поймал пару кобылиц, очень крупных и сильных. Такие, говорят, возят пушки в армии. От них получил хороший приплод. Настоящие тяжеловозы. Сильные, как буйвол. За них ему предлагали большие деньги, но Коннорс не продавал. Хотел вывести новую породу. Индейцы его уважали. Они знают толк в коневодстве. Нет, индейцы не могли его убить, если ты это хотел спросить.

– Я ничего не спрашивал. А ты, похоже, дружен с индейцами?

– Разве мы не такие же люди, как они? – Питер улыбнулся. – Одна голова, две ноги, две руки. Люди всегда могут договориться. Мы к ним с уважением, и они к нам с уважением. Мы пришли на свободное место, здесь никто не жил. Только кайова[2], но мы им не мешали. У нас не было тогда лошадей, а индейцам нужны только лошади и бизоны.

Наши отцы сами пошли к ним, когда их шатры появились поблизости. Мы не знали, вернутся они или нет. Мы за них молились, и они вернулись. Отнесли индейцам хлеб и табак, а они им дали свои мешки и сумки для воды[3]. Тогда вождем кайова был Темный Бык, отец нынешнего Темного Быка. Отцы попросили у него разрешения жить на этом берегу, потому что здесь была хорошая земля для пшеницы. Темный Бык сказал: «Я не белый человек! Я не провожу границ по земле или по воде. Это белые люди устанавливают правила для других. Живите там, где вам нравится. Земля большая, ее хватит на всех».

С тех пор мы с кайова ладим. Они давно бросили кочевать, потому что бизонов больше нет. Кайова сейчас живут рядом с нами, команчи тоже. Работают у меня, когда хотят. Здесь в округе еще много индейцев, разных индейцев. Некоторые даже работают на карьере. А наши никуда не уходят, живут рядом с нами. Мы с ними ладим. Породнились уже. У одной сестры моей – муж из кайова. Сейчас он придет.

– Зачем?

– Помогать будет. Лечить будем твоего друга. – Питер снова улыбнулся, но на этот раз хитровато. – Надо кобылу от него хорошо закрыть, чтобы не увидел. Он с ума сойдет, если ее увидит.

– А откуда он знает, что мы здесь?

– Отец сразу позвал, – сказал Питер и, свернув пару оладий в трубочку, отправил их в рот. – Индейцы хорошо лечат. У нас даже кладбища нет. За пятнадцать лет никого не хоронили. Нехорошо будет, если твой друг умрет.

---

[2] Кайова – индейское племя, заселявшее Юго-запад США

[3] емкости, изготовленные из желудка бизона

– Он не умрет, – сказал Кирилл. – Такой человек, как он, не может умереть от одной пули.

– От одной пули? – Питер покачал головой. – Я видел в Джорджии, как люди умирают от комариного укуса. Ты знаешь, что такое болотная лихорадка? Я сам рыл огромные могилы, чтобы похоронить всех, кого укусил маленький комар. И никто не мог им помочь. Пулю можно вытащить, раны можно перевязать, а с лихорадкой ничего нельзя сделать. Но здесь у нас нет таких комаров, и здесь никто не умирает от лихорадки. У нас здесь никто не умирает.

Мимо них молча прошла Полли, она несла лопату на плече. Кирилл проводил ее взглядом.

– Она собирается копать? Я могу помочь ей.

– Сама справится. Им нужно немного песка, чтобы лечить твоего друга, – пояснил Питер.

Кириллу оставалось только понимающе кивнуть, хотя он и сомневался в целебной силе песка. Ладно, им тут виднее. Бриксу он уже ничем не мог помочь. Но было слишком тяжело сидеть без дела и слушать нескончаемую болтовню гостеприимного хозяина.

– Может быть, для меня найдется какое-нибудь дело? Не могу же я целый день сидеть и пить кофе.

– Ты устал с дороги.

– Я уже отдохнул.

– Как насчет того, чтобы срубить старое дерево? – поинтересовался Питер.

– Я готов.

– Спасибо тебе, Крис! – Питер широко улыбнулся и встал из-за стола. Его лицо просто светилось от радости. – Спасибо.

– За что?

– Я давно ждал достойного помощника для такого дела. Мне сразу показалось, что ты подойдешь. Я ждал, пока ты сам захочешь мне помочь. Это очень, очень важное дело.

Кирилл дожевал последнюю пару оладий и допил кофе, и Питер подал ему шляпу.

– Вдвоем мы справимся быстро. Это хорошее дерево. Его в прошлом году разбило молнией, оно хорошо высохло за осень и зиму, – говорил Питер, направляясь к сараю. – Я собирался срубить его еще зимой. Но там старое воронье гнездо. Я думал, что вороны, может быть, снова поселятся там. Но они не прилетели, впервые за пятнадцать лет. Значит, построили новое гнездо, где-то в другом месте.

И то сказать, когда в твой дом бьет молния, задумаешься о переезде, да? Ну, а раз вороны там больше не живут, дуб можно и спилить. А если не спилить его сейчас, придется снова ждать зимы. Такие деревья пилят только зимой. Мы с тобой справимся с этим деревом, и у Полли с отцом будут хорошие дрова. На всю зиму хватит.

Они взяли с собой двуручную пилу, топор и клин. Проходя мимо дома, Кирилл увидел на крыльце индейца. В комбинезоне и клетчатой рубашке, он бы сошел за обычного фермера, если бы не коса, свисавшая на плечо, и если бы не лицо – оно было кирпичного цвета, и такое же оживленное, как кирпич.

– Хорошо, что ты быстро пришел, – сказал Питер индейцу. – Это Крис. Его друг ранен. Надо лечить раненого.

Индеец встал и назвал себя, приложив ладонь к животу:

– Ахо.

– Мы идем рубить одинокий дуб, – сказал Питер. – Крис хочет помочь нашей семье.

Индеец смотрел так, что казалось, будто он ничего не слышит.

Поднимаясь вдоль косогора, Кирилл издалека увидел то дерево, которое предстояло превратить в дрова.

«Сколько же лет он стоял здесь, этот дуб? – подумал он. – Как ему удалось выжить на склоне, ведь рядом нет ни одного деревца? Когда-то он был просто желудем, потом превра-

тился в росток – и он рос под солнцем, и его не затоптало копыто бизона, и не подпилили зубы кролика…. Говорят, дубы живут веками. Сколько же он жил, прежде чем принял на себя удар молнии? Славное дерево. И славная смерть».

Они встали на колени перед вековым дубом, и острые зубья гибкой пилы выбросили на пожухлую траву первую струйку опилок. Через пять минут Питер стянул рубаху, и Кирилл последовал его примеру. Он уже понял, почему такие деревья пилят только зимой. Сейчас под лучами робкого мартовского солнца он уже взмок от пота, словно в мексиканской пустыне.

– Отдохнем, – скомандовал Питер и повалился на спину, раскинув руки. – Дуб хорошо высох. Мы быстро справимся.

– Надеюсь.

– Дубовые дрова лучше всего. Лучше, чем уголь. К тому же уголь надо покупать. Глупо платить деньги за то, что можно получить даром.

– Многие платят деньги, чтобы сберечь свое время, – сказал Кирилл.

– Ты куда-то торопишься? Нет. Я тоже. У нас есть время, пока отец лечит твоего друга.

– Он врач, твой отец?

– Нет. Но он умеет лечить. Ну, отдохнули, пилим дальше.

Питер встал на колени, поплевал на ладони и снова схватился за рукоятку пилы. И снова брызнули струйки опилок из-под звенящих зубьев.

На этот раз Кириллу показалось, что он пилит гранит. И когда Питер остановился и скомандовал: «Отдыхай», он раньше него повалился рядом с дубом.

– Мы пришли сюда первыми, – говорил Питер. – Потом появились другие с Востока. Немцы, чехи, ирландцы. Много их было. А сейчас почти никого не осталось. Они думали, что смогут прокормиться на этой земле. Но здесь тяжелая земля. Мало дождей. Очень трудно собрать хороший урожай. Поэтому все уехали. Остались только мы.

– Почему вы остались?

– Нам здесь хорошо. Земли много, людей мало.

– Ты же говоришь, здесь «тяжелая» земля.

– Ну и что? У нас есть хороший плуг, «Джон Дир». Есть сильные лошади. Мы ладим с этой землей.

Кирилл подумал, что Питер «ладит с землей» примерно так же, как сейчас пытался поладить с дубом. И ему стало понятно, почему его соседи подались в иные края.

– Человек имеет право жить там, где ему легче, – сказал он.

– Мы останемся здесь, – сказал Питер. – Те, кто уехал отсюда, сейчас копают землю на рудниках в Колорадо. Или тут неподалеку, на угольном карьере. Наверно, им больше нравится копать и выбрасывать землю, чем пахать ее, чем сеять зерно, чем собирать хлеб. Им больше нравится получать деньги каждую субботу. Им больше нравится каждое воскресенье пропивать эти деньги в кабаке.

– Ну, должен же кто-то добывать уголь…

– Уголь не растет, как пшеница. Он кончится. Здесь мало угля. В прошлом году уже иссяк один карьер, и всем пришлось уехать. Осталась только гора глины и огромная яма. Вот и все, что осталось после двенадцати лет. Здесь будет то же самое. И всем этим людям придется снова ехать куда-то. Все начинать сначала. И так они будут кочевать по всей земле. Они будут добывать хлеб в лавке, они будут жить в чужих домах, они будут греться чужим огнем. А мы останемся здесь, и у нас все будет свое, не чужое. Свой дом, свой хлеб, свой огонь.

Они еще не добрались до середины, когда снизу прибежал мальчонка с узелком. Белоснежная тряпица раскинулась на земле, густо усеянной опилками, и они пообедали отварным картофелем и жареными цыплятами. В черном глиняном кувшине с индейским орнаментом было козье молоко. Хлеб был пышным и душистым, горячим внутри, со смуглой мягкой коркой.

Еда придала сил, но работа не пошла быстрее. Дуб обрушился на землю уже на заходе солнца. От удара даже горы подскочили, но у Кирилла не было сил радоваться победе. Даже лежа на земле, дуб закрывал закатное небо голыми длинными ветвями.

– Вот и все, – сказал Кирилл.

– Это еще не дрова, – покачал головой Питер. – Нам еще пилить и пилить…

До наступления темноты они успели срезать всего лишь две нижние ветки. Возвращаясь в деревню, Кирилл думал только о том, что через несколько часов придется снова подниматься по этому косогору. Краем глаза он заметил, что окна дома, где остался лежать Энди, были закрыты ставнями, но из щелей пробивался красноватый свет.

Питер, как оказалось, устал не меньше. Он *молча* сидел за столом, а сестры в белых платках порхали вокруг, подавая тарелки и подливая молоко в кружки. Полли среди них не было, что не удивило Кирилла – эту молчунью он скорее мог представить гарцующей на мустанге, чем снующей по кухне.

– Твой друг спит, – сказал Питер, отодвигаясь от стола. – Ты тоже ложись. Все будет хорошо. Если ты торопишься, можешь оставить его здесь. Мы проводим тебя до ранчо Коннорса.

– А как же дрова?

– Значит, остаешься?

Питер поманил пальцем сестру, и на столе перед Кириллом появилась пустая кружка.

– Выпей на ночь, работать будет легче, – сказал Питер.

– Виски?

– Лучше, чем виски. Травяной чай.

Он поднял кружку и обнаружил на самом донышке зеленоватую прозрачную жидкость. На вкус она была горькой, но приятной.

Ему постелили на широкой лавке вдоль стены. Он успел только стянуть сапоги и заснул, не раздевшись толком.

На рассвете они были уже возле поверженного великана. За ночь на месте битвы побывало много любопытствующих. На влажном от росы слое опилок остались следы енота. Он, похоже, искал под рухнувшим деревом место для новой норы. Здесь же виднелся глубокий отпечаток волчьей лапы. Как только топоры застучали по веткам, со всех сторон налетели синицы. Они внимательно обследовали каждую отлетевшую щепку, каждую полоску толстой коры. По их радостному писку было ясно, что сегодня они до отвала наедятся разными деликатесами – личинками, червяками да муравьиными яйцами, которые до сих пор были скрыты под корой.

Синицы не отставали от них весь день, пока они обрубали сучья и перепиливали ствол. Птицы не боялись людей, наверно, потому, что сегодня те работали молча, и этим не отличались от других их родичей – бобров или дятлов.

Обед был таким же, как вчера, но вместо молока была та самая зеленоватая жидкость, которой угостили Кирилла на ночь. Горький прохладный напиток бодрил, как хороший коньяк, но в нем не было ни капли спирта. И еще одно отличие – от любой выпивки развязывается язык, а после этого «чая» Кирилл на время потерял дар речи. Все слова казались пустыми и ненужными. Они с Питером работали вполне согласованно без единого слова, и шумные синицы смешили его своей болтовней. К концу дня он уже различал их по голосам.

Назавтра целая стая желто-зеленых обжор поджидала дровосеков и приветствовала нетерпеливым гвалтом. Когда люди принялись забивать клинья, чтобы расщепить колоды, то пичуги бесстрашно суетились рядом с ними, чудом не попадая под удары кувалды.

Наверно, здесь и в самом деле был край земли. Отдыхая, Кирилл оглядывал лес и замечал, что между деревьями порой проплывает силуэт оленя.

– Жалко, что я оставил внизу ружье. Можно было бы недурно поохотиться, – сказал он.

– Зачем? Тебе не хватает еды?

Кирилл пристыжено перевел взгляд вниз и увидел, что к ним поднимается одна из сестер Питера. Ему захотелось, чтобы это была Полли, но отсюда он не мог разглядеть ее лицо, наполовину закрытого белым платком. Она вела за собой пару мулов, а за ними катилась двуколка под дрова.

– К нам идет помощь, – сказал он.

– Полли? – Питер посмотрел из-под ладони. – Я ее не звал. Что-то случилось.

– Как ты ее разглядел отсюда?

– Только за ней мулы сами идут в гору. Мне или тебе пришлось бы их тянуть.

– Она колдунья?

– Нет. Просто ее все боятся.

– И ты?

– И я. И ты будешь бояться, когда узнаешь.

– Видали и пострашнее, – сказал Кирилл.

– Смейся, смейся. Вспомнишь еще мои слова.

Пока он укладывал поленья на тележку, брат и сестра перекинулись парой тихих фраз, а потом вдвоем набросились на оставшиеся чурбаки. Кирилл невольно залюбовался их слаженной работой. Широкая спина Питера бугрилась вздувшимися мышцами. Он легко вздымал над головой тяжеленную кувалду и со всего размаху обрушивал ее на клин, ловко вставленный сестрой в щель.

– Отец уезжает, – сказал Питер, поднося к тележке охапку поленьев. – За ним приехали с ранчо, там раненый.

– Что за ранчо?

– Его старый хозяин пропал. Сейчас там иногда живут какие-то незнакомцы.

– Ну, раз они просят у вас помощи, значит, вы все-таки немного знакомы.

– Об отце многие знают, – сказал Питер. – Если незнакомец просит о помощи, нельзя отказывать.

– Он поедет один? Ты же сам говорил, что тут у вас даже вдвоем опасно ездить.

– С ним поедет Полли. Она всегда ему помогает в таких делах.

– Можно мне тоже с ними? – спросил Кирилл.

– Не знаю. Как отец скажет, – ответил Питер, переглянувшись с сестрой.

Она не смотрела в их сторону, и Кирилл до сих пор не услышал от нее ни слова. Они нагрузили тележку, обвязали поленья сверху и осторожно тронулись вниз по косогору. От деревни в сторону реки удалялся всадник. Когда он скрылся за рощицей, Питер сказал:

– Наверно, плохи у них дела, если они послали за отцом. Эти пастухи нас не любят.

Отец стоял на крыльце. На нем был черный сюртук и белая рубашка со стоячим воротником. Лысину скрыла широкополая черная шляпа. В одной руке у него была кожаная сумка, в другой блеснула узкая ножовка.

– Оказывается, среди техасцев попадаются неплохие лесорубы, – сказал он. – Хорошая работа, Крис. Твой друг еще не проснулся. Он проснется через два дня. Не беспокойся, у него все будет хорошо. Нам надо навестить еще одного раненого. А ты отдыхай.

– Я не устал.

– Крис хочет поехать с вами, – сказал Питер.

Старик испытующе поглядел на Кирилла из-под низко надвинутой шляпы.

– Хорошо. Поедем втроем. Седлайте коней, нам надо спешить.

Кирилл живо переоделся и зарядил револьвер. Опуская его в кобуру, он вдруг понял, что впервые за много лет у него выдались подряд целых три дня, когда он не носил оружия.

Эти три дня пролетели, как один час. С той самой секунды, когда он встретил Полли в ущелье, время потекло иначе.

Да, те три дня, за которые он «смог поладить» с дубом, пролетели, как один час. Но за те же три дня он постарел, наверно, на тридцать лет, ожидая, чем закончится лечение Энди Брикса. Мысленно он уже дважды похоронил его: когда стаскивал обмякшее тело с седла, и когда увидел в постели – обнаженного и окровавленного. Он боялся себе в этом признаться, но ему не верилось, что Энди выживет.

И хуже всего было то, что Кирилл был во всем виноват. Это он предложил ехать по сухому руслу. Это он не заметил чужих следов перед поворотом. И он не только опоздал с выстрелами, но и стрелял поверх противников. Он не хотел никого убивать, ему казалось, что достаточно будет их припугнуть. Он ошибся, и вот теперь за ошибку расплачивается друг.

После таких рассуждений он еще раз прокрутил барабан кольта и несколько раз взвел и плавно опустил курок, слушая, не скрипит ли пружина.

4.

Когда он вывел своего мерина из конюшни, Полли с отцом верхом на лошадях уже гарцевали во дворе. Кирилл не сразу узнал свою спасительницу, вновь одетую по-мужски. На ней была алая сорочка и фиолетовый замшевый жилет с золотым шитьем. Белая фетровая шляпа, казалось, только что покинула витрину дорогого магазина.

Кирилл невольно задержал взгляд на седле. Такие обычно называют северными, и ковбои не пользуются ими из-за излишней тяжести и длины. Слишком много тисненой толстой кожи, слишком много серебра. Широкая подпруга, сплетенная из разноцветных шнуров, была украшена кисточками. Седло казалось неоправданно роскошным. Однако ни одна деталь здесь не была лишней.

Вычурное тиснение на коже сиденья и фартука своим рельефом позволяло всаднику надежно удерживаться в седле, а не елозить бедрами. Серебряная отделка швов предохраняла их от гниения. И даже кисточки, свисающие с подпруги, делали свое дело – они раскачивались и отгоняли слепней от брюха лошади. Кирилл все это понимал, но ведь Полли не намеревалась пересекать континент, а просто собралась навестить соседнее ранчо.

«Если бы мы были в городе, я бы решил, что она нарядилась для меня, – подумал он. – Да ну! Она меня и не замечает. Кто я ей? Бродяга»…

Сейчас ее можно было принять за богатую мексиканскую помещицу, а отец, весь в черном, был похож на священника. Рядом с ними Кирилл, наверно, выглядел батраком. Старик передал ему ножовку, он опустил ее в ружейный чехол за седлом, и они поскакали к реке.

Дорога шла вдоль проволочной изгороди, отделяющей от целины вспаханное, но незасеянное поле. Молодая рощица за поворотом расступилась перед всадниками, и бледные листья прошелестели над головой. За тонкими серебристыми стволами чернели обугленные пни, следы давнего пожара. Кони перемахнули через сверкнувший под копытами ручей и спустились к броду.

За рекой поднимались холмы, поросшие редкими пятнами кустарника. Среди зелени травы тянулись длинные песчаные языки, часто кончавшиеся промоинами и оврагами.

Из-за холма выглянуло колесо ветряка, сверкающее лопастями на солнце. А вот и само ранчо – двухэтажный хозяйский дом, высокий амбар и приземистый барак с подслеповатым окном и жестяной трубой. Ни лошадей у коновязи, ни скота в загоне не было. Подъехав ближе, Кирилл увидел, что окна хозяйского дома закрыты ставнями, а на двери висит замок. Двери амбара, сорванные с петель, прислонились к стенке. С блока подъемной балки амбара свисал обрывок веревки. Похоже, на чердак давно уже не поднимали ни одного тюка сена. И хотя лопасти ветряка вращались под легким ветром, Кирилл не расслышал работы насоса, качающего воду из скважины – ветряк крутился вхолостую.

На ограде загона сидел тощий ковбой в широкополой шляпе.

Подскакав к нему, старик спросил, осаживая коня:

– Что тут у вас стряслось? Кого ранили?

Ковбой выплюнул табачную жвачку.

– Я просил приехать только доктора.

– Вот мы и привезли тебе доктора, – сказал Кирилл. – Где раненый?

Тощий кивнул в сторону барака. Старик повернулся к Кириллу:

– Ты пойдешь со мной. Дочка, разведи огонь в жаровне. Вот тебе железный клин, как следует разогрей. Докрасна. Мы тебя позовем.

Он первым вошел в барак, Кирилл последовал за ним. Внутри было темно и душно. У окна, занавешенного грязной тряпкой, лежал на драном тюфяке тщедушный парень с перевязанной до локтя рукой. Он был в исподнем, сапоги и одежда валялись рядом на полу. Раненый

прерывисто хрипел, выпуклые веки закрытых глаз блестели от испарины. Старик наклонился над ним и взялся за запястье здоровой руки.

– Парень, твое сердце играет барабанную дробь, – проговорил он через полминуты, вытирая пальцы платком. – Куда ты так торопишься?

– Мне ничего не помогает, – сказал раненый. – Я умру, да? Умру?

– Не сегодня. Кто тебя так замотал?

– Я сам…

Старик покачал головой и размотал окровавленную тряпку.

– Это гангрена? Да? Гангрена? – спрашивал раненый, отвернувшись к стене.

Старик внимательно оглядел заплывшую рану, а потом стал осторожно прощупывать руку выше посиневшей кисти, всматриваясь под разными углами в следы своих пальцев и даже обнюхивая их.

– Пока это только воспаление, – сказал он, наконец.

Кирилл не был силен в медицине, однако даже ему было очевидно – такую гангрену можно назвать простым воспалением только для того, чтобы не портить настроение умирающему.

– Значит, руку можно спасти? – спросил парень.

– Можно.

– Сам подумай, куда я денусь без руки? Хоть и левая, а все равно жалко…

– Не бойся, спасем твою руку. Когда тебя ранило?

– Три дня назад. Я присыпал рану землей, но это не помогло…

– Присыпал землей… – повторил старик. – В следующий раз не делай этого. У тебя есть виски? Я вижу только пустые бутылки.

– Виски унесли…. Они бросили меня тут подыхать одного, и даже виски унесли!

– Не хнычь, ты же крепкий парень. Вот, выпей из моей бутылки, – старик приставил горлышко к обветренным губам. – Пей, пей еще…. Отдохни. А теперь пей все до дна.

Он повернулся к Кириллу и шепнул:

– Достань мой нож из сумки… – А потом снова заговорил громко и ласково: – Вот видишь, что бывает, когда попадает грязь. Земля, это еще не самое плохое. Хуже, когда рану начинают промывать водой из реки или просто из лужи…

Кирилл достал нож с тонким закругленным лезвием. Старик удовлетворенно кивнул:

– Подержи над огнем, и сразу возвращайся.

Кирилл шагнул к выходу, но тут за окном послышалось тревожное ржание мерина, а затем – топот копыт.

«Будет дело», – подумал он, остановившись на пороге.

Снаружи донеслись грубые голоса. Он спрятал нож за пояс, медленно и бесшумно отступил к окну и осторожно отогнул тряпку, чтобы посмотреть, кто там приехал.

Их было двое. Не слезая с коней, они нависли над Полли, направив на нее револьверы. Девушка стояла у дымящей жаровни, независимо держа руки на поясе, и снисходительно улыбалась. Казалось, она не замечала стволов, которые мелькали перед ее лицом.

Тот ковбой, который встречал их сидя на заборе, сейчас стоял за спиной Полли с дробовиком в руках. Он ткнул ее стволом в спину и выкрикнул:

– Я же просил, чтоб доктор приехал один! Просил или нет?

Полли оглянулась и поправила шляпу, не переставая улыбаться. Она вела себя так, словно и не догадывалась о предназначении вороненых железок в руках пришельцев.

– Какого дьявола ты их сюда привел?

– Я же не знал… – оправдывался тощий. – Я думал, старик приедет один… Он поможет Рябому…

– Рябому все равно конец! А если босс узнает, что ты привел чужаков в берлогу, то и тебе конец, идиот!

– Они ничего не скажут.

– Это уж точно!

– Вы только посмотрите на эту дуру! Вырядилась, как мужик, и еще улыбается! Ты еще не поняла, что тебе конец?

Когда человек размахивает револьвером у тебя перед носом и говорит, что тебе пришел конец, ему можно верить. На Западе не разбрасываются словами. И Кирилл не мог понять, почему Полли продолжает улыбаться.

«А что ей остается? – подумал он. – Плакать и молить о пощаде? А может быть, она улыбается, потому что рассчитывает на меня?»

Совсем недавно Кириллу казалось, что в жизни наступили приятные перемены. Приятно было справиться с могучим дубом. Приятно видеть на телеге целую гору дров, которые ты своими руками заготовил на зиму. Приятно было украдкой следить за женщиной, которая шла у повозки с дровами, и еще приятнее было думать о том, как зимой она будет греться у камина и смотреть в огонь.

Но вот появились эти трое, и теперь придется заняться весьма неприятным делом…

Он расстегнул кобуру.

– Стой, – сказал старик. – Здесь тебе не Техас. Я выйду к ним. А тебе лучше побыть тут с раненым.

– Здесь слишком душно, – сказал Кирилл и взялся за кольт, потому что тощий, наконец, приблизился к тем двоим, которые уже спешились и наседали на Полли.

Теперь они стояли кучкой, что было непростительной ошибкой.

Ему пришлось выждать еще немного, пока девушка, заметив его в дверном проеме, не сообразила отойти в сторону.

– Куда ты, куда, пташка? – заржал один из них, поднимая кольт. – Хочешь побегать? Ну, побегай, побегай по загону, повесели публику!

Он выстрелил, и песок взорвался у ног Полли. Та невольно подпрыгнула на месте, вызвав радостный гогот стрелявшего.

У Кирилла на миг потемнело в глазах от ярости. Он шагнул вперед и опустился на колено, вскинув револьвер. На такой короткой дистанции пуля иногда проходит насквозь, и ему не хотелось поранить лошадей, стоявших за этими ублюдками. А при стрельбе с колена пули уйдут выше.

Так и получилось. Все трое повалились на песок, а лошади только испуганно зафыркали.

– Что ты наделал! – гневно воскликнул старик из хижины. – Ведь они хотели только попугать!

– Вот я и испугался, – ответил Кирилл, застегивая кобуру.

– Что ты натворил! Как же так… Полли, посмотри, может быть, им еще можно помочь?

– Вряд ли, – спокойно ответила девушка, даже не глянув в сторону упавших.

Она смотрела на Кирилла. И ему понравилось, как она смотрит.

– Надо уходить, – сказал он, собирая с земли чужое оружие. – И чем быстрее, тем лучше, пока сюда не нагрянули их дружки.

– А с этими что делать? – спросила Полли. – Ты стреляешь быстрее, чем соображаешь. Что нам теперь делать с тремя трупами? Я не взяла с собой лопату.

– Лопата не понадобится.

– Но их же так не оставишь.

– Есть один простой способ. Помоги мне.

Вдвоем они подтащили тела к коновязи. Лошади пугливо шарахались, чуя кровь, но они все-таки смогли уложить и привязать каждого убитого поперек седла. А потом Кирилл отпу-

стил лошадей и поторопил их свистом. Они разбежались в разные стороны, унося свой кровавый груз. Он подумал, что это были краденые лошади, и каждая помчалась сейчас к тому загону, откуда ее похитили.

– А вот теперь уходим, – сказал Кирилл.

Он уже вставил ногу в стремя, но глухой бас старика остановил его:

– Надо закончить то, для чего мы сюда приехали.

– Что? – Кирилл оглянулся.

– У нас на руках раненый, – сказал старик. – Дело придется довести до конца. Я уже дал ему выпить сонной настойки. Жалко тратить ее впустую. Пока она действует, мы закончим.

Кирилл не верил своим ушам. Старик чудом остался жив. И теперь не молился на радостях, не благодарил спасителя, а только жалел, как бы не потратить впустую драгоценное зелье!

– Дочка, разогревай клин, – приказал старик. – Крис, пойдем, приготовим больного.

Полли стояла у жаровни, держа стальной клин в длинных клещах над огнем. Черный металл уже поседел на конце.

Кирилл достал из-за пояса короткий нож, провел клинком над огнем, чтобы очистить лезвие, и вернулся в барак.

Они уложили руку раненого на табурет рядом с тюфяком, так, что распухшая синяя кисть свисала над полом. Кирилл сел на его локоть и подал нож старику. Тот продолжал непрерывно разговаривать с раненым, который отвечал сквозь сон, вяло и односложно.

– Кожа черной становится, потому что в ней мертвая кровь застоялась. Ты же не хочешь носить в себе мертвую кровь, верно?

– Да…

– Вот мы ее сейчас и выпустим…

– Да…

– Ты сюда из Техаса приехал?

– Да…

Лезвие ножа с легким треском скользнуло по вздувшейся коже, и она расступилась под ним. Гнилостная вонь разлилась в воздухе.

– А правда, что в Техасе от жары на скотине шерсть тлеет?

– Да…

Старик приложил к раскрывшейся ране ножовку, и Кирилл отвернулся, покрепче прижав руку к табурету. Несколько коротких хрустящих движений – и кисть со стуком отвалилась на пол.

Парень заскулил, но тут в барак вошла Полли, держа перед собой клещи с пылающим малиновым клином. Старик бесцеремонно столкнул Кирилла с табурета и согнул обрезанную руку в локте, а Полли сноровисто приложила клин к срезу, из которого хлестала тонкими струйками кровь. Рана зашипела, а парень пронзительно вскрикнул и сразу затих.

– Держи ее так, – скомандовал старик, и Кирилл стал на колени перед табуретом, на который опиралась локтем рука парня. Рана, с белой костью посередине, дымилась прямо у него перед носом.

Старик ловко обмотал культю длинной белоснежной тряпкой и бережно уложил руку на грудь раненого. Тот дышал прерывисто и часто, и его закрытые глаза напряженно жмурились.

– Поздно он нас позвал, – покачал головой старик. – Чего ждал? Вот и остался без руки. Ну да ничего, выкарабкается –как-нибудь. Увезем его. Похоже, за ним никто не вернется. Что у него там было?

Полли присела на корточки над отрезанной кистью, валяющейся в луже крови и перевернула ее остывающим клином, с любопытством разглядывая рану.

– Пуля. Застряла в мякоти у запястья. Его счастье, что пуля маленькая.

– Маленькие пули тоже убивают, – сказал старик, укладывая в сумку свой нож. – Но мальчишку, похоже, хотели только ранить. Кто-то хотел его просто напугать.

– Или выбить ружье у него из рук, – сказал Кирилл.

Он подумал, что, когда парень очнется, его надо будет о многом спросить. Например, где и когда его ранило? Не тогда ли, когда он клеймил украденных бычков? И не подскажет ли он, кто его послал на такое опасное дело? Много вопросов приготовил Кирилл, собираясь неотлучно дежурить у постели больного… Но старик рассудил по-своему.

Из жердей, одеяла и тюфяка они соорудили волокушу и на ней увезли раненого. Старик не разговаривал с Кириллом. Только вернувшись в деревню, он проговорил нехотя, глядя в сторону:

– На этой же волокуше отвезешь своего друга туда, куда вы направлялись. Я не спрашиваю – куда. Мне это незачем знать. И имен ваших я не знаю. Когда меня будет расспрашивать шериф, я расскажу все, как было. Твой друг скоро встанет на ноги. Постарайтесь убраться подальше отсюда. Возвращайтесь в Техас.

– Спасибо за все, – сказал Кирилл. – Могу я узнать, что вы намерены делать с этим парнем?

– Я его вылечу.

– Сначала покажите его шерифу, – посоветовал Кирилл. – Может быть, он сбережет ваши лекарства. Вряд ли стоит их тратить на того, по кому плачет виселица.

Старик бросил на него суровый взгляд из-под кустистых бровей.

– Виселица плачет по убийцам.

– Иногда вешают и скотокрадов.

– Лучше позаботься о своей шее. И забудь дорогу к нашему дому.

5

Когда-то Томас Мерфи соблазнился разговорами о золоте, найденном в Нью-Мексико.

На прииске, куда он добрался, его поначалу поражали местные нравы. Здесь не было воровства. Можно было спокойно оставить в незапертой хижине намытое золото и уйти работать на участок. Бывало, что пропадали инструменты, или вдруг исчезала одна упаковка галет из ящика, но воровства не было. Не было ни драк, ни ссор, потому что на это просто не оставалось времени. Каждый час работы приносил старателю прибыль –иногда десять центов, порой – десять долларов. И люди проводили чуть не круглые сутки на своих участках.

Когда же вдруг обнаружилось, что какой-то новичок украл у соседа деньги, сорок два доллара, было немедленно созвано общее собрание, на которое, впрочем, пришли не все. Томаса Мерфи избрали судьей, потому что он был самым высоким и сильным. И он, выслушав обе стороны, постановил всыпать воришке сорок два удара плетью по голой спине. Приговор был единогласно одобрен собранием и тут же приведен в исполнение. Весь юридический процесс занял не больше часа, и удовлетворенные старатели разбрелись по участкам.

В следующий раз Томаса Мерфи отвлекли от работы по более серьезному делу. На соседнем прииске возник спор из-за воды. Чтобы намывать больше золота, старатели давно отказались от кастрюлек и лотков, и уже не работали в одиночку. Шесть-восемь человек объединялись и строили промывочный желоб, к которому нужно было подвести воду через систему рвов и канав. Но где взять столько воды в засушливом Нью-Мексико? Естественно, тот, чей участок располагался у самого источника, был в более выгодном положении. Те же, кто оказался ниже по течению, страдали от нехватки воды. Но разве вода не была общим достоянием, так же, как воздух?

Чтобы их рассудить, и был вызван самый высокий, самый сильный и самый рассудительный старатель с соседнего прииска. Томасу Мерфи пообещали даже заплатить десять долларов за время, потраченное на процесс, независимо от его решения. Он посоветовался с компаньонами и отправился к соседям. Его приговор был простым и понятным. Воздух – это всего лишь воздух, а вода – это инструмент. Человек, первым дошедший до источника и застолбивший его, имел право на всю воду. Просто потому, что он первый.

При голосовании выяснилось, что «право первого» поддерживают даже те, кто сам пострадал от оного. Ведь рано или поздно все они покинут этот прииск и отправятся дальше. И там-то каждый постарается стать первым и вовсю использовать свой приоритет.

Нашелся только один несговорчивый смутьян, который начал вопить, что судья подкуплен, что он продал свой вердикт за десять долларов. Его пытались образумить, но он выхватил револьвер. Томас Мерфи, не сходя с судейской телеги, засадил ему пулю в плечо. В левое, чтобы парень не утратил трудоспособности. И собрание вновь признало его решение справедливым.

Когда прииски перестали приносить достаточно золота, старатели подались на новые земли, в Оклахому, чтобы использовать свои навыки и инструменты для добычи угля. Томас Мерфи ушел из Нью-Мексико вместе со всеми, но ему не пришлось махать кайлом или катать тяжелую тачку. Шахтеры единодушно избрали его шерифом.

Он набрал верных помощников и принялся ретиво исполнять новые обязанности, сполна отрабатывая жалованье, которое выплачивала ему горнорудная компания. Как только случилось первое нападение на дилижанс, шериф Мерфи успел схватить грабителей раньше, чем те смогли пересчитать добычу. Он угадал, куда отправятся злоумышленники, и отыскал их логово. Шестеро его помощников окружили неприметную тростниковую хижину и по команде шерифа открыли ураганный огонь из карабинов. Злодеев зарыли там же, хижину сожгли, а

награбленное вернули счастливым горожанам. Все были довольны исходом дела. Все, кроме судьи Бенсона.

«Шериф должен ловить преступников, а не убивать их»,– сказал Бенсон, услышав об этом случае от посетителей салуна.

С точки зрения юстиции судья Бенсон был подлинным самозванцем. Все знали, что он способен разобраться в любом, даже самом запутанном споре. Но никто уже не помнил, с каких пор хозяина салуна «Бенсон из Ричмонда» стали называть судьей. И никто не знал, в каком году появился его салун на перекрестке степных дорог.

Не одна сотня фургонов проскрипела мимо высокого крыльца, и не каждый из гостей был способен расплатиться звонкой монетой. Кто-то выпивал в долг, чтобы рассчитаться на обратном пути из Калифорнии – но из Калифорнии редко возвращаются… А кто-то оставлял в салуне вещи, ставшие вдруг обременительными.

Наверно, именно таким образом появилась в салуне книжная полка, на которой с годами собрались манускрипты, необходимые для судопроизводства: Первый, Третий и Четвертый тома «Американского законодательства», «Справочник переселенца в Орегон и Калифорнию», «Автобиография» Франклина, а также несколько разномастных томиков Библии.

Судья Бенсон пользовался библией не менее сноровисто, чем шериф Мерфи – кольтом. Любое разбирательство начиналось с того, что все участники поочередно прикладывали ладонь к засаленному переплету и обещали говорить правду. Они и говорили правду, каждый по-своему. Судье оставалось только решить, чья правда была ближе к закону, который дан Богом. Со временем он стал непревзойденным мастером по выискиванию в библейских текстах таких строчек, которые лучше всего подходили к теме судебного заседания.

Приговоры такого суда обычно устраивали всех. Потерпевшая сторона получала возмещение убытков, а ответчик утешался тем, что он мог бы с чистой совестью плюнуть на решение судьи-самозванца, но не делает этого из уважения к Вышестоящей Инстанции.

Горнорудная компания давно уже пыталась выписать настоящего судью, с лицензией, молотком и париком. Но ни один юрист из больших городов не решался отправиться туда, где пришлось бы рисковать не только париком, но и скальпом. Индейцы казались слишком опасными соседями, и страх перед ними почему-то был гораздо сильнее в цивилизованной Филадельфии, чем в дикой Оклахоме. И горнорудной компании пока приходилось смиряться с тем, что ее рабочие по-прежнему больше доверяли хозяину салуна, чем администрации карьера.

Шериф Мерфи, конечно, мог упрятать за решетку парня, которого уличили в краже мешка муки. Но шахтеры обязательно потребовали бы выслушать дело в салуне, то есть в суде. А судья мог и оправдать подсудимого, если тот взял мешок в качестве компенсации за задержанную зарплату.

Такое положение дел шерифу не нравилось, поэтому он не вмешивался в дрязги, пока не начинали греметь выстрелы. Вот тогда он внезапно появлялся, и его молодчики быстро связывали убийцу, чей револьвер еще дымился. Бывало, что тело проигравшего в дуэли еще не было предано земле, а победитель уже трепыхался в петле.

Несколько таких случаев навсегда отбили у шахтеров привычку к необдуманным высказываниям, а горнорудная компания выплатила шерифу премию за укрепление порядка в поселке.

Но Мерфи мечтал о более крупных поступлениях на счет в банке. Можно было хорошо заработать, если бы в его округе объявился какой-нибудь из преступников, объявленных в розыск. Легко представить, как расстраивался Томас Мерфи, услышав, к примеру, о гибели знаменитого Билла Далтона.

Шайка братьев Далтон была почти в полном составе перебита три года назад в Канзасе. И надо же им было додуматься до такого! Затеять ограбление в городке, где они в юности пожили пару лет! Видно, те шаловливые подростки хорошо запомнились населению Коффивилля. И

стоило им, повзрослев, снова появиться на тихой улочке и спешиться возле банка, как уже все мужчины города похватали оружие и сбежались туда же. Как только Далтоны выволокли на улицу мешок с деньгами, они тут же попали под залп десятка дробовиков и дюжины кольтов. И никакой судья Бенсон уже не смог бы им помочь…

Но Билла не было с братьями в тот раз. Незадолго до последнего ограбления он уехал к мамочке в Оклахому, да там и остался. Еще с год он порыскал по соседним штатам, и за его голову сулили хорошие деньги. И вот однажды в начале лета Билл играл с дочкой на крыльце своей фермы. Местный шериф выследил его, подкрался с заднего двора и застрелил на глазах у девчонки. Самое досадное для Мерфи было то, что сам он не раз проезжал через место, где это случилось, –поселок Эрдмор на техасской дороге. И, вполне возможно, захаживал в тамошний салун как раз тогда, когда там же сидел и сам Билл Далтон.

Чужая удача никогда еще не была ему так обидна. Оставалось надеяться только на то, что остатки банды тоже осядут где-нибудь в Оклахоме. У них не было иного пути. Вокруг – в Колорадо, Техасе, Канзасе и Нью-Мексико – кипели стройки, прокладывались железные дороги, росли города. Там прокручивались большие деньги, но их стерегли целые армии полицейских, агентов и охранников.

Только Оклахома пока еще жила по-старому. Сюда стекались все, кто не мог начать новую жизнь на старом месте: бандиты и воры, которые надеялись дожить свой век на маленькой ферме, а также воры и бандиты, которые надеялись поживиться на тех, кто доживает свой век в такой глуши.

Рано или поздно объявится скромный новосел, чья фамилия значится в розыскных списках: Чарли Пирс, Крик Ньюкомб, Билли Дулин …. И рано или поздно Томас Мерфи сумеет заработать свою законную пару тысяч долларов.

Однажды, зайдя в салун, он услышал, как шахтеры судачат насчет вдовы Эда Коннорса. На днях ее видели в лавке, где она купила мужскую рубашку, бритву и еще всякую мелочь, необходимую мужчине. Поскольку старшему сыну, Майку, не было и шестнадцати, жители городка пришли к выводу, что у вдовы завелся хахаль.

Мерфи насторожился. Вряд ли Мойра стала бы тратиться на кого-то из своих работников. Значит, парень – со стороны.

Не прошло и часа, как бричка шерифа уже катила в сторону ранчо Коннорсов.

У шерифа Мерфи было много помощников, но двое из них были особо важными – Фредди Лански и метис Чокто[4]. Лански неотлучно находился при шерифе, с блеском исполняя роль адъютанта. Чокто Дженкинс, наоборот, появлялся рядом с Мерфи только в случае крайней необходимости, когда нужно было кого-то выследить и скрутить, либо догнать и пристрелить. Где он пропадал все остальное время, никого не касалось. Принято было считать, что Чокто, сносно владеющий языками сиу, команчей и кайова, подрабатывает тем, что сопровождает белых торговцев на индейских землях. Наверно, торговцы не были слишком щедры с ним, потому что в участке шерифа метис появлялся вечно в одной и той же рубахе до колен, в разноцветных мокасинах и в синей шляпе кавалериста времен Гражданской войны. Мерфи чуть не пинками выгонял его мыться и переодеваться, прежде чем брал с собой на дело.

Сейчас Лански правил лошадьми, а Чокто скакал сзади.

Ветер гнал им навстречу бесчисленные клубки перекати-поля. Лански, прикрывая от пыли лицо платком, сказал:

– А я еще помню, как тут бизоны бродили. А сейчас – одни колючки катаются. И трава тогда была выше головы.

– Да ты и сам тогда был не выше зайца, – буркнул Мерфи. – Останови здесь, не будем высовываться из-за холма. Дальше пойдем пешком.

---

[4] Чокто – оседлые индейцы Юга США, переселенные в Оклахому в 1830-е годы.

Поднявшись на холм, они долго лежали за камнями, наблюдая за домом Коннорса. Работников не было видно. Наверно, все сейчас находились в конюшнях, либо в поле, вместе с табуном. Вот Мойра прошла через двор с тазом, в котором было сложено белье. Принялась развешивать простыни на веревках.

– В доме кто-то остался, – сказал Чокто. – Посудой гремит.

Мерфи ничего такого не расслышал. Но он привык доверять метису, который обладал просто звериным чутьем и слухом.

– Лански, зайдешь сзади, – распорядился он. – Постоишь у сарая. Если кто-то выскочит из задней двери, стреляй.

– Даже если это будет пацан?

– Я сказал «кто-то». Кто-то, кого ты не знаешь. Если чужак боится сам съездить в поселок за бритвой, значит, он в бегах. А раз он в бегах, тебе лучше выстрелить первым. Понял? Пошли, Чокто.

Они обошли вокруг саманного забора, ограждавшего двор, и остановились у ворот. Мерфи дождался, пока Мойра скроется за рядом висящих простыней и, крадучись, вошел во двор. Ему хотелось застать незнакомца врасплох. Он достал револьвер и бесшумно поднялся на крыльцо. Дверь была распахнута. В кухне кто-то, действительно, возился с посудой.

Они с Чокто ворвались в кухню одновременно. У стола сидел незнакомец, водя бруском по ножу.

– Подними руки и замри! – крикнул шериф.

– Иначе ты мертвец! – добавил метис, ногой отшвырнув табурет и заходя сбоку.

Мужчина медленно отложил нож и встал, поднимая руки. Ему было на вид около сорока. «Глаза карие, нос с горбинкой, волосы черные, слегка вьющиеся»… Шериф попытался составить словесный портрет, но не нашел ни одной приметы из тех, что упоминались в розыскных листах. Ни шрамов, ни выбитых зубов, ни татуировок на руках. Одет прилично, гладко выбрит. Если он и в бегах, то ему явно не приходилось скрываться в пещерах или среди индейцев.

– Назови себя! – приказал Мерфи.

– А кто вы такие, чтобы спрашивать? – невозмутимо поинтересовался незнакомец.

Чокто ударил его револьвером в ухо, и мужчина отшатнулся к открытому окну.

– Стой! Куда? – Метис схватил его за ворот. – Отвечай живо, а то получишь пулю в лоб!

Шериф хотел унять помощника, но внезапно в открытое окно влетело что-то лохматое и рычащее. Собака накинулась на Чокто, вцепившись тому в локоть, и повалила на пол.

Незнакомец бросился к двери.

– Стоять! – рявкнул Мерфи, но тот уже юркнул в коридор.

Шериф отпихнул собаку и кинулся следом. Он увидел спину убегавшего и выстрелил. Мужчина скрылся в соседней комнате, захлопнув за собой дверь. Мерфи не рискнул войти за ним – у беглеца там могло оказаться оружие. Он выбежал на крыльцо и услышал выстрелы на заднем дворе.

Мойра Коннорс стояла среди висящих простыней, прижав ладони к побелевшему лицу.

– Мерфи? Что ты делаешь тут?

– Не мешай, – бросил он и побежал вдоль стены.

Осторожно выглянул из-за угла, держа револьвер перед собой.

– Он… Он тут! – крикнул, задыхаясь, Лански. – Вот он!

Шериф глянул на вытянувшееся на песке тело и повернулся к Мойре.

– Я знаю всех твоих работников. А это кто?

Она кинулась к убитому, путаясь в длинном платье. Опустилась на колени. Кончиками пальцев коснулась двух ран на спине, под лопаткой. Осторожно перевернула тело набок – и ахнула, увидев грудь, залитую кровью.

«Ай да Лански, – подумал шериф. – Черт бы его побрал! Когда не надо, бьет наповал».

– Кто это? – повторил он.

– Это? – Мойра встала и скрестила руки на груди. – Это компаньон мужа. Дик Руби, из Техаса. За что ты его убил?

– Кто может подтвердить, что это Дик Руби, а не Чарли Пирс?

– За что ты его убил?

– Я его не убивал. Он оказал сопротивление. Набросился на моего помощника. Если твой муж был компаньоном бандита, тебе придется ответить на множество вопросов.

Через открытое окно кухни доносились вопли метиса и рычание собаки.

– Уйми своего пса, пока мы и его не прикончили, – сказал шериф, запихивая кольт в кобуру. – Лански, подгони сюда бричку.

Помощник будто не слышал его. Он все еще держал револьвер обеими руками, направив ствол на покойника, лежавшего у его ног.

– Лански!

– Томас… Он выскочил из окна! И набросился на меня! Ты же видел! Я просто защищался! Я не хотел убивать!

– Заткнись. Подгони бричку. Отвезем его в поселок. Сделаем все по закону. Проведем опознание. Может быть, твой выстрел принесет тебе пару сотен.

– Вы не получите ни цента, – сказала Мойра. – Вместо того, чтобы искать убийц моего мужа, вы застрелили честного человека. Тюремная камера или виселица, вот что вас ждет.

Томас Мерфи только ухмыльнулся в ответ. На этой земле он сам решал, кого отправить на виселицу.

– Мойра Коннорс! Когда будешь в поселке, загляни в участок. Мне надо записать твои показания. Ты же знаешь, я все делаю по закону.

6

Владения ирландцев легко было заметить по оголенным склонам холмов и множеству овечьих орешков, рассыпанных на дороге. Овцы основательно поработали над местным ландшафтом, очистив его от травы, и широкая полоса красной земли лучше любого забора защищала огороды от бродячего скота.

Кирилл проехал под высокой аркой из двух согнутых березовых стволов. Наверху раскачивалась под ветром табличка, и на ней виднелись какие-то буквы, но он не успел ничего прочитать, потому что его отвлекла пуля, ударившая в землю.

На макушке холма стоял фургон с высоко поднятым дышлом, на котором развевалась зеленая тряпка. В ней угадывалась хорошо послужившая рубашка, доживающая свой век на почетной должности флага. От фургона еще не отлетел пороховой дым первого выстрела, когда новая сизая струя вырвалась наружу из темной прорехи. Громыхнул добротный раскат пятидесятого калибра, и вторая пуля щелкнула по столбу арки.

– Частное владение! – донесся до Кирилла высокий голос невидимого стрелка. – Поворачивайте назад!

– Отдай! – послышался второй голос, такой же высокий. – Моя очередь!

«Подерутся из-за ружья, – усмехнулся Кирилл. – Ничего не поделаешь, братья есть братья».

– Что за стрельба? – недовольно спросил Энди Брикс.

Кирилл наклонился над другом, лежавшим в волокуше.

– Проснулся? Долго же ты спал.

– Я спал? – Энди откинул одеяло и с недоумением оглянулся. – Как бы не так. Я побывал на том свете.

– Ну, и как там?

– Выглядит не слишком привлекательно. Это пустыня. Я лежал на горячем-горячем песке, а вокруг плясали индейцы с бубнами. Поили меня огненной водой. Потом сам святой Георгий ехал рядом со мной. Он на черном коне, я на белом. До рая оставалась пара миль, и вдруг где-то внизу началась пальба. Ну, Георгий мне и говорит: слетай-ка, мол, Энди, вниз, разберись там и поскорее возвращайся.

– Не торопись возвращаться к нему, – попросил Кирилл. – На земле еще много дел.

– Я и не тороплюсь. – Брикс оглядел себя и ощупал бок. – Откуда взялась белая рубашка? Чья она? У тебя же все рубашки черные. А у меня – синие. Кто меня вырядил в крестьянское тряпье?

– Долго рассказывать. Твоя рубашка пропала. Зато дырки в боку заросли. И ребро склеилось. Ты три дня лежал в корсете из глины и толченого кактуса.

– Три дня? – недоверчиво переспросил Энди. – Ты меня дурачишь? Мы же только что удирали от тех скотокрадов. Смотри, еще и солнце не зашло…

Новый выстрел оборвал его речь. Энди Брикс похлопал по бедру, пытаясь нащупать кобуру.

– Кто там палит все время? Поговорить не дадут.

– Младшие Коннорсы. Кажется, они меня не узнали.

Брикс, кряхтя, выбрался из волокуши. Он стоял, широко расставив ноги, как моряк во время качки. Да и качало его, как в шторм. Он сложил ладони рупором и закричал:

– Чертовы засранцы! Майк! Джимми! Так вы встречаете лучших друзей вашего отца?

– Отсюда не видно, друзья вы или враги!

– Так подпустите нас поближе!

– Я хотел подпустить! А Майк не дал! Да еще и промазал!

Брикс повернулся к Кириллу и сказал осуждающе:

– Вот видишь, что наделала белая рубашка? Меня теперь никто не узнает!

Он забрался в седло и крикнул:

– Ну, хотя бы кобылу мою вы признали?

Спустя минуту из фургона выскочил мальчишка и припустил по дороге навстречу гостям. Второй уселся на передке, с важным видом положив ружье на колени.

– Поехали, Крис. Вот мы и дома. Только не надо рассказывать Мойре Коннорс о том, где я провел эти три дня.

Тронувшись вслед за Энди, Кирилл обернулся, чтобы разглядеть табличку, болтавшуюся под аркой. На *обратной* ее стороне кривыми, но разборчивыми буквами было выведено: «Частное владение. Запретная зона. По нарушителям стреляют. По уцелевшим – дважды».

– Три дня… – задумчиво повторил Брикс. – Кто меня лечил?

– Тут неподалеку живет один колдун. И дочка у него – колдунья…

– Ага! – Энди подмигнул.– Так ты уже, я вижу, околдован? Хорошо, что ты с ними подружился. Полезное знакомство.

– Ну, я бы не сказал, что мы подружились. Пока ты валялся, я тут встретил кое-кого. Кажется, это были те самые ребята, на которых мы с тобой напоролись.

– Были?

Кирилл пожал плечами.

– Так уж получилось. Пришлось стрелять. Я не успел у них ничего спросить. Правда, один из них еще живой. Сейчас его лечит тот самый колдун. И я надеюсь, что нам удастся поговорить с парнем.

– Понятно. Какие еще новости?

– Я нашел их берлогу. Заброшенное ранчо. Думаю понаблюдать за ним.

– Попробуем. Может, что-нибудь и разнюхаем, – с сомнением протянул Энди. – Только мне кажется, что ты слишком резво взялся за дело. Тут полно скотокрадов. Я не собираюсь выводить их всех, как блох. Мне нужны только те, кто убил Эда, понимаешь? Те, кто угнал наших галисеньо. А не те, кто ворует бычков.

Рыжий мальчишка подбежал к Бриксу и схватился за стремя:

– Дядя Энди! Вы не нажалуетесь маме? А то она весь день будет нас ругать!

– За что, Джимми? За то, что стреляли?

– Или за то, что промахнулись? – серьезно спросил Кирилл.

– Ой, дядя Крис! Мы бы вас ни за что не узнали!

– А с чего вдруг такие строгости? Это Дик, что ли, поставил вас в караул?

– Нет, не Дик, – сказал мальчишка. – Ружье нам дала мама, и приказала никого не подпускать. А Дик… Он… Его убили, вот.

***

Кирилл, Энди и Мойра Коннорс сидели в тени забора на заднем дворе. На том самом месте, где вчера смерть настигла их друга.

– По законам Техаса, Нью-Мексико и Колорадо действия шерифа тянут на убийство первой степени, – сказал Энди. – Уж я-то знаю.

– Мы в Оклахоме, – сказала Мойра. – Здесь нет закона.

– Поэтому мы и не будем подавать в суд, – сказал Энди Брикс и полез в карман за кисетом.

Лохматый пес тут же вылез из-за кучи золы и подбежал к нему, чтоб уткнуться носом в карман.

– Эх ты, попрошайка, – укорил его Брикс. – Думаешь, у меня тут сухарик для тебя? Это тебя Эд приучил, я знаю. У него всегда был запас угощенья для собак и лошадей. Как же ты впустил во двор тех ублюдков?

– Он не виноват, – Мойра потрепала пса. – Он старый. Ему сейчас лишь бы поваляться в тени. Если б он умел лаять…. Эд нашел его в прерии. Всему научил. Вот только лаять пес не умеет. Наверно, в нем слишком много волчьей крови. Ничего, я все равно возьму его с собой.

– Возьмешь с собой? – переспросил Брикс.

– Мы уедем отсюда. Ты поможешь мне продать ранчо побыстрее?

Энди тщательно утаптывал табак в трубке, медля с ответом.

– Не для того я сюда ехал. Что ж, дело твое. И куда хочешь податься?

– Подальше отсюда. Чтобы мои дети не стали убийцами. Я же знаю, о чем они шепчутся. Они уже приговорили шерифа.

– Как насчет того, чтобы пожить у меня? Мелинда будет тебе рада. Про пацанов я и не говорю.

– Мне все равно, куда ехать, – ответила Мойра.

– У меня в Галвестоне дом, – сказал Кирилл. – Я почти все время провожу на шхуне. А дом пустует. Тебе там будет удобно. Работу найдем легко. И ребятам найдется занятие. В порту хватает работы для мальчишек.

– Нет, – сказала Мойра. И улыбнулась впервые за день. – Спасибо, Крис. Но твой дом ждет другую хозяйку. Ту, что войдет в него в подвенечном платье.

– Сговорились вы, что ли? Почему-то всем женам моих друзей не терпится меня оженить.

Энди Брикс строго поглядел на него:

– Я бы тоже был рад, если б ты пригласил меня на свадьбу. Из нашей команды только ты и Дик… – Он запнулся. – Да, Дик так и умер холостяком. По-моему, у него вообще никого не было. Кроме нас.

– Наверно, Дика уже похоронили, – сказала Мойра. – У них это быстро делается. Может быть, так оно и лучше. Ему все равно.

– А нам не все равно. – Брикс тяжело поднялся со скамейки. – Крис, поехали.

– Не надо, Энди! Я боюсь вас отпускать. Ты плохо выглядишь. Белый, как…

Она осеклась.

– Как покойник? – с усмешкой продолжил Энди. – Это с похмелья. Вчера мы с Крисом немного перебрали.

– Нет, тебе нельзя никуда ехать, – повторила Мойра, схватив его за локоть.

Брикс осторожно разжал ее пальцы:

– Ты же сама понимаешь, что не поехать – тоже нельзя.

***

Стоило им отдалиться от ранчо и перевалить через холмы, как поднялся сильный ветер. Настолько сильный, что поначалу Кирилл всерьез опасался , как бы Энди не сдуло с коня. Брикс выглядел как человек, вернувшийся с того света. Его качало, он долго не мог поймать стремя, и в седло поднялся не с первой попытки. Однако с каждым порывом ветра посадка его становилась все уверенней. Скоро он уже смог отпустить поводья и на ходу переоделся, достав новую рубашку и жилет из седельной сумки.

– Как думаешь, Крис? Мойра не обиделась, что мы даже не остались пообедать?

– По-моему, ей сейчас не до нас.

– Как посмотрю на нее, начинаю жалеть, что женился. Прикинь, каково было бы Мелинде, если б та пуля попала не в Эда, а в меня. Нет, братишка, этот мир не больно-то приспособлен для семейного счастья.

– Что теперь? – спросил Кирилл.

– Теперь? Мы здесь, чтобы помочь семье Эда. Раз Мойра хочет уехать, поможем ей уехать. Все очень просто.

– Мы приехали не только из-за нее.

– Ну да. Из-за себя тоже.

– Из-за себя?

– А кому, по-твоему, мешают жить те ублюдки, что убили Эда? Только нам. Кому станет легче на душе при виде их трупов? Только нам с тобой. Вот я и думаю… Нет, Крис, она права. Все против нас. Сначала эти придурки-скотокрады. Потом – Дик… Иногда приходится останавливаться на полпути, поворачивать назад, когда до цели остается один шаг. Может быть, сейчас – как раз такой случай?

Кириллу не хотелось спорить. Энди всегда отличался переменчивостью настроений. Кто-то счел бы это недостатком, ведь мужчина должен быть жестким и непреклонным в движении к цели. Однако в том-то и дело, что к цели ведут не только прямые дороги, но и извилистые тропки. И, как показывает жизнь, тропки – они надежнее.

Однажды Брикс без видимых причин отменил хорошо продуманный налет на почтовый поезд. Вся команда собралась в назначенном месте, но, когда паровоз остановился возле водокачки, Энди не подал сигнала к атаке, а, наоборот, схватил Кирилла за руку и приказал застыть. Так они и простояли все полчаса, пока паровоз заправлялся. Наконец, поезд тронулся, и почтовый вагон с тридцатью тысячами долларов поехал дальше, из Колорадо в Канзас. Как выяснилось через несколько дней, деньги охранялись самим федеральным маршалом и двумя дюжинами его помощников.

Соотношение сил было не в пользу Брикса. Но откуда он об этом узнал? А он и не знал. Ему просто не понравился пассажирский вагон, что был прицеплен рядом с почтовым: в нем были погашены все огни. Обычно в окнах всегда теплится свет. И выключить его мог только тот, кто хотел следить за подходами к поезду, оставаясь незамеченным.

Так очередной каприз Энди Брикса, возможно, спас ему жизнь.

– Что будем делать? – спросил Кирилл.

– Продадим ранчо. Табун я никому не отдам, погоню к себе. А ты вернешься в Галвестон, на шхуну. Будешь искать сокровища. – Брикс загнал патроны в дробовик и засунул его в седельную кобуру. – Давай поторопимся. Может, его еще не зарыли.

Они не опоздали. Тело, выставленное для опознания, все еще лежало на досках перед аптекой. Голова была приподнята и опиралась на стенку, так что все проходящие могли разглядеть лицо.

Помощники шерифа отгоняли зевак, чтобы те не мешали фотографу, который устанавливал камеру на штатив. Кирилл и Энди постояли в сторонке и, дождавшись магниевой вспышки, подошли ближе.

– Знаете его? – спросил фотограф, доставая из ящика пластинку. – Можете оказать услугу правосудию.

Брикс пожал плечами:

– Правосудие до сих пор как-то обходилось без моих услуг.

Он круто развернулся и зашагал к салуну. Кирилл бросил последний взгляд на умиротворенное лицо Дика. «Прощай, братишка»…

– Плохо дело, – сказал Энди, остановившись перед салуном. – Чертовы фотографы. Расплодились, как мухи. Ты понял, кому нужна карточка Дика? Разошлют по всем полицейским участкам, и в Колорадо или Арканзасе его обязательно опознают.

– Не обязательно, – сказал Кирилл.

– Эх, братишка! Если какая-то гадость может случиться, она случится. Обязательно случится.

Он уселся за стойку бара и огляделся:

– Почему так пусто? Вымерли все?

– Наверно, все на работе, в карьере, – догадался Кирилл.

– Ну и ладно. Текила есть?

– Могу предложить только мескаль, – сказал пожилой бармен с пышной седой шевелюрой и длинными усами.

Брикс махнул рукой:

– Какая разница? Лишь бы глотку обжигало.

Кирилл заметил, подсев на соседний табурет:

– Я только в Мексике узнал, какая разница между текилой и мескалем. И то, и другое гонят из агавы. Но текилу перегоняют дважды. Она крепче и чище.

– И производят ее только в городе Текила, штат Халиско, – добавил бармен, наполняя стопки.

– Вы бывали в Мексике? – спросил Кирилл.

– Нет. Я и в Шотландии не был, что не мешает мне рассуждать о шотландском виски.

– Один наш друг тоже любил виски, – мрачно сказал Энди и опорожнил стопку. – Так любил, что не мог пить его без церемоний. Подавай ему особый стакан, и *обязательно* со льдом. Когда я в первый раз увидел, как он пропускает мимо себя бутылку, пущенную по кругу, я подумал: «Ну и пижон! И как только Остин Крейн принял такого на работу?»

– Вы знали Остина Крейна? – почтительно осведомился бармен.

– Как это «знал»? Я работал на него. И это было лучшее время моей жизни. А тот мой друг, любитель виски, был у Крейна счетоводом. Сидел в конторе, вечно возился с бумагами. Мы поначалу не принимали его всерьез. Знали, что он из Балтимора. А разве городской белоручка с Востока может превратиться в ковбоя? Как приехал в дурацком клетчатом костюме, так и ходил в нем везде. Наверно, такой костюм был один на весь Техас.

Да, мы не сразу поняли, что этот парень был покруче многих. Однажды, когда мы все были в горах, на дом Остина Крейна напала шайка Смайзерса. В доме оставались только женщины с детьми, пара негров и наш счетовод. Негры – не в счет. Дик загнал их вместе с женщинами в кабинет Остина. Там были толстые стены и много книг. Книгами заложили окна, чтобы пули не залетали. А Дик вскрыл оружейный шкаф и устроился на галерее. Выставил в каждое окно по винчестеру и бегал от ствола к стволу.

Когда мы подоспели, во дворе валялись двенадцать раненых уродов. Все были ранены дважды – в руку и в ногу. Они не могли стрелять и не могли удрать. Вот тогда-то мы и узнали, какие бывают счетоводы.

– Вы говорите о войне в графстве Маршалл? – уточнил бармен. – События весны семьдесят пятого года?

– Я бы не назвал ту драку войной. Настоящая война началась лет через пять–шесть.

Бармен достал из-под стойки бутылку с черно-белой этикеткой.

– Виски с винокурни Джека Дэниэла, штат Теннесси. Позвольте мне вас угостить. Кажется, я знаю, о ком вы рассказываете. Точное имя этого человека мне неизвестно. Но в газетах писали о молодом бухгалтере из Балтимора, который бежал на Запад, скрываясь от суда за растрату. Сорок пять тысяч, кажется. Подозревали, что он скрылся на одном из ранчо Остина Крейна.

– Не было никакой растраты, – сказал Энди, отодвигая наполненную стопку. – Его подставили.

– Не сомневаюсь. – Бармен протянул руку Бриксу. – Меня зовут Рэймонд Бенсон. Буду рад помочь друзьям мистера Крейна.

Кирилла удивили познания бармена о событиях двадцатилетней давности. Бенсон с легкостью перечислял имена бойцов с той и с другой стороны, особо выделяя заслуги братьев Брикс – Эндрю и Генри. Помнил он и обстоятельства, при которых закончилась война

между двумя мясными баронами – головорезы Смайзерса были амнистированы губернатором, а стрелки Остина Крейна почти все оказались за решеткой, и многих приговорили к смерти.

– Однако, насколько мне известно, ни один из ваших товарищей не был казнен, – заметил Бенсон, снова откупоривая бутылку виски. – Кого помиловали, а кто просто бежал из камеры смертников. А вот людей Смайзерса уже нет на этом свете. Ни одного. Следовательно, справедливость, как всегда, восторжествовала.

– Если бы так… – Энди глянул на Кирилла. – Если бы так…

За окнами салуна послышался скрип колес.

– Гроб, наконец, привезли, – сказал Бенсон.

В салун вошел один из помощников шерифа.

– Судья, у вас тут пустовато. Ну, когда наберется народ, скажите, что нужны четверо, чтобы отвезти покойника на кладбище.

Кирилл поднялся первым.

– Мы справимся и вдвоем, – сказал Энди, становясь рядом.

– Вы уверены, мистер? – спросил помощник.

– Вдвоем мы и не с такими делами справлялись.

В поселке, как видно, не было похоронного бюро. А может быть, катафалком и венками пользовались только местные жители. Для чужака же, тем более неопознанного, годилась и простая двуколка. Они погрузили гроб, и могильщик повел за собой ленивых мулов.

Могила была вырыта на самом дальнем краю кладбища.

– Хорошее место, – сказал Энди. – Земля сухая. И вид отличный.

– А почему яма такая мелкая? – спросил Кирилл у могильщика.

– Все равно раскапывать, – ответил тот, опираясь на заступ. – Вон там лежит еще один такой же. Два дня жил в салуне, ждал дилижанса на Гатри. Неудачно сыграл в покер, схватился за нож. И получил пулю в живот. Окочурился раньше, чем успел представиться. Ну, зарыли придурка. Через неделю приехал маршал Даррет. Могилу разворошили, открыли гроб, чтобы опознать труп.

– Опознали?

– Вроде того. На подкладке пиджака было одно имя, на шляпе – другое. А еще у парня на шее болтался медальон. Вот по нему-то и узнали, как звали покойника. Говорят, он успел изрядно наследить в Канзасе. Но премию за него никто не получил. А может быть, денежки у шерифа застряли... – Могильщик нахмурился и сплюнул. – Ну, и долго вы будете любоваться на пустую могилу?

Они поставили гроб на песчаный холмик, за веревки стянули вниз и быстро забросали землей.

– Да, отличное место, – задыхаясь, повторил Энди Брикс, оглядывая прерию. – Лучше и не придумаешь. Прикинь, Крис, каково будет тем, кто лежит на тесных городских кладбищах, когда наступит Второе Пришествие. Как они полезут из могил, как будут толкаться, спотыкаться, а потом блуждать между домами по вонючим темным улицам. А тут – встал, отряхнулся и пошел спокойно.

– Куда? – спросил Кирилл.

– Неважно. Тогда уже все будет неважно.

– Вам, парни, будет о чем потолковать с судьей Бенсоном, – сказал могильщик. – Такие разговоры как раз по его части. О Втором Пришествии, о смертных грехах и все такое прочее.

Когда они вернулись в салун, бармен снова достал из-под стойки бутылку от Джека Дэниэла, и Брикс радостно потер руки.

– Признаться, мое мнение о Теннесси изменилось в лучшую сторону, – сказал он, поднимая стопку. – По крайней мере, виски там гнать умеют.

Кирилл не ожидал, что приятель так быстро избавится от кладбищенской печали. И вообще, ему не нравилось, как изменился Энди. Слишком легко тот отказался от дела, ради которого они сюда приехали. Слишком легко пережил смерть друга. У Кирилла еще стояло перед глазами окаменевшее лицо Дика, а Брикс уже оживленно обсуждал с барменом перспективы продажи ранчо Коннорса. При этом речь его становилась все менее связной, а взгляд – все более мутным.

– Тебе не стоит, наверно, пить так много, – сказал ему Кирилл. – Вспомни, каково тебе было вчера.

Вчера Брикс еще валялся без чувств, но, кажется, эти несколько дней не сохранились в его памяти.

– Вчера? Нет никакого «вчера», и нет никакого «завтра», – заявил он, подпирая щеку кулаком. – Есть только вот эта секунда. Хлоп! И ее уже нет!

Неожиданно он побелел и завалился набок, едва не упав с табурета. Кирилл успел подхватить его за локоть.

– Почему все кружится? – раздраженно спросил Брикс. – Остановите их! Откуда столько мух? Это приличное заведение или выгребная яма?

Он уронил голову на стойку.

– Готов, – невозмутимо произнес Бенсон. – Вы были правы, Крис. Ему не стоило увлекаться спиртным.

– Он еще не оправился после тяжелой болезни, – сказал Кирилл, удерживая Брикса на табурете.

– Я так и подумал. Наверно, он бы не выпил лишнего, если бы не похороны. Любого тянет к рюмке, как вернешься с кладбища.

– Вот еще! – пробубнил Энди, не раскрывая глаз. – Стану я переживать из-за каждого бродяги!

– У вас тут есть где отлежаться? – спросил Кирилл.

Бармен поглядел в окно.

– Пока никого нет, я провожу вас.

Они поднялись на второй этаж, где были комнатки для жильцов.

– Номер одноместный, – сказал Бенсон. – Но один из вас может переночевать на диване. Сколько вы рассчитываете здесь пробыть?

– До ночи, – ответил Кирилл.

– Лучше задержаться до утра. Ночь – опасное время.

– Ха! – воскликнул Брикс, валясь на диван. – Не знаю никого, кто погиб ночью! Всех моих друзей убили днем! Ночь – опасное время? Ха! Жизнь – вот опасное время…

Не прошло и минуты, как он погрузился в глубокий сон.

– Первый раз вижу, чтобы Энди свалился от пары глотков виски, – виновато сказал Кирилл.

– Похоже, что перед этим он хлебнул снотворного, – заметил Рэймонд Бенсон. – Некоторые настойки действуют весьма долго, особенно в сочетании с алкоголем.

– Вы правы. Его три дня лечили разными настойками.

– Пусть поспит. – Бенсон подоткнул одеяло. – Чем он болел? Лихорадка?

– Нет. Сквозное ранение в грудь.

– Что же вы сразу не сказали? Много было крови?

– Изрядно.

– Красное вино и хороший стейк, вот что его вылечит, – уверенно сказал Бенсон. – Такими лекарствами я вас обеспечу. Можете остаться здесь до полного выздоровления.

– Нет, нам надо вернуться на ранчо.

– Вы серьезно намерены отправиться туда ночью?

– Так спокойнее.

– Не заблудитесь?

– Пока светят звезды, трудно заблудиться. Меня другое беспокоит, – сказал Кирилл, глядя на спящего друга. – Смогу ли я его разбудить?

7

На латунной звезде Томаса Мерфи вместо слова «шериф» было написано – «охрана компании Кребса».

Горнорудная компания подменяла собой государственную власть в этих краях, куда государство еще не дотянулось. Если разобраться, то Мерфи был шерифом только на словах, и с точки зрения закона ничем не отличался от самозванца судьи Бенсона. С точки зрения закона он был обыкновенным наемным сторожем. Ну, может быть, старшим из сторожей. Ему платили только за то, что он охранял собственность компании. Правда, компании принадлежало все вокруг – и дома шахтеров, и их инструменты, и торговые лавки, и товары в лавках. А государство здесь не владело ничем, поэтому даже федеральный маршал[5] Даррет не мог командовать горняцким «шерифом».

Такое положение вполне устраивало Томаса Мерфи. Особенно тогда, когда кто-нибудь пытался загрузить его лишними хлопотами.

– У нас проблема, Томас! – заявил помощник Лански, вбегая в участок. – Приехал Форсайт, он зол, как черт.

Мерфи выглянул в окно и увидел, что Чокто стоит возле пролетки, запряженной парой дорогих жеребцов. Метис о чем-то беседовал с седоком, которого не было видно за поднятым кожаным верхом. Трое всадников, увешанных оружием, виднелись за коляской.

– Какого черта ему надо? – Мерфи потер звезду рукавом и нахлобучил шляпу.

– Он приехал к инженеру Скилларду, а от него зачем-то к нам завернул. Форсайт просто кипит весь от злости. Говорят, у него пропали ковбои.

– Ну и что?

Скотопромышленник Форсайт не удостоил шерифа ни рукопожатием, ни кивком. Не слезая со своей коляски, он заговорил раздраженно и без вступлений, словно продолжая давно начатую беседу:

– Могу сказать, что меня весьма удивляют некоторые местные обычаи. Ладно, индейцы забирают у меня несколько коров каждый раз, когда я перегоняю стадо мимо их вонючих шалашей. Я понимаю, это местный обычай. Ладно, моих ковбоев убивают из-за угла. Это тоже понятно. Видимо, здесь гордятся умением метко стрелять в спину.

Но, черт возьми, я нигде не сталкивался с обычаем оставлять убитых на растерзание койотам и стервятникам! Если у вас тут не принято хоронить покойников, то, может быть, мне придется самому научить вас, как это делается у белых людей?

– Привет, Скотт, – спокойно ответил Мерфи, не сходя с крыльца. – Могу я быть чем-нибудь полезен?

– Не думаю, Томми.

Форсайт грузно откинулся на спинку, и коляска жалобно заскрипела, а кучер натянул вожжи, успокаивая лошадей.

Мерфи поскреб подбородок, что означало крайнюю степень задумчивости. Поведение Форсайта было непонятным. Если он приехал просить помощи, то зачем же сразу от нее отказываться? Если же мясной барон приехал жаловаться на трудности жизни, то вряд ли он здесь найдет сочувствие. В его голосе звучал неприкрытый вызов, хотя он и не произнес ничего оскорбительного. Все это очень походило на то, как задираются пьяные в салуне.

Томас Мерфи несколько веселых лет отработал вышибалой в нью-йоркском кабаке, и прекрасно помнил, что кровавые побоища начинаются с безобидных словечек. Но Форсайт

[5] Федеральный маршал – полицейский чиновник, назначается Президентом, представляет исполнительную власть в федеральном суде. Его задачи и полномочия такие же, как у шерифа, но он не зависит от местных властей.

был трезв, и проехал с десяток миль – неужели ему не к кому было придраться в своих владениях?

– Мне очень жаль, что у тебя опять кого-то грохнули, – сказал Мерфи.

– Не «кого-то», а моих работников, – Форсайт снова встал в коляске. – Четверых, шериф, четверых. Неделю назад они уехали в патруль на южный край пастбища, и с тех пор их уже никто не видел живыми.

– Бывает, – сказал Мерфи сочувственно. – Здесь часто пропадают и люди, и скот.

– Ах, «бывает»? А бывает такое, что через несколько дней одного из пропавших находят на северном краю пастбища, другого за рекой, а остальных не нашли до сих пор? Кто-то убил моих людей, шериф, и разбросал их тела по округе. Разбросал на съедение птицам и зверям.

– Они были раздеты? – спросил Мерфи. – Их скальпировали? Может, кастрировали?

– Этого только не хватало!

– А лошади нашлись?

– Конечно, нет! Ни лошадей, ни оружия.

– Индейцы, – сказал шериф Мерфи. – Больше некому. Твой скот пасется на землях, где они жили слишком долго. Ничего не поделаешь, краснокожие до сих пор считают, что они тут хозяева. Говорят, где-то поблизости видели банду шайенов из Колорадо.

– Это все, что ты можешь мне сказать, шериф?

– Мои шахтеры тут не замешаны. Я не отвечаю за бродяг и ковбоев. Тем более – за индейцев. Если они так уж тебе мешают, почему бы не вызвать армию?

Форсайт стоял в коляске, заложив большие пальцы в кармашки жилета, и долго не отвечал, обводя взглядом площадь. Убедившись, что все присутствующие смотрят на него, он как бы задумчиво, но довольно громко произнес:

– Если тебе плевать, что индейцы не дают житья белым людям, то почему бы нам не выбрать другого шерифа?

Мерфи с деланным сочувствием развел руками:

– Не тебе меня выбирать. Ты не работник компании.

– Да, к счастью, я свободный человек. И живу в свободной стране. И я сам позабочусь о своих людях! – с этими словами Форсайт снова опустился на скамейку, и догадливый кучер щелкнул бичом.

Повозка с грохотом развернулась и укатила, а вслед за ней, глотая пыль, поскакали охранники.

– Здорово вы его отшили, босс, – восхищенно сказал Лански.

– Учитесь, парни, как надо разговаривать с богачами. Подумаешь, скотопромышленник! – насмешливо протянул Мерфи. – Никто его сюда не звал. И защищать его здесь никто не собирается.

Он вернулся за стол и принялся разбирать и чистить револьвер. Это занятие всегда помогало ему успокоиться.

Томаса Мерфи чуть не трясло от злости после беседы с Форсайтом. Этот толстосум не был похож на обычного мясного барона. Его лицо было бледным и гладким. Он не ездил верхом и не носил оружия, и его голосу вряд ли подчинилась бы хоть одна, даже самая робкая, корова. Он никогда не управлял стадом, но, как видно, привык повелевать людьми. Он умел оскорбить человека, не повысив голос и не произнеся ни одного грубого слова.

Возможно, это скотопромышленник какой-то новой породы. Он может сидеть в своей конторе, задрав ноги на стол, и глядеть в окно. А за него все сделают наемные работники – ковбои, ветеринары, стрелки, резники, скорняки и рубщики. Он будет курить сигару за сигарой, а за окном телята будут превращаться в бычков, потом – в мясные туши, потом – в хрустящие банкноты. И только тогда Форсайт оторвет свою задницу от кресла, чтобы пересчитать

деньги и сложить их в сейф. Нет, даже это за него сделают бухгалтер и кассир. Но тогда – зачем он нужен, этот Форсайт?

Мерфи чертыхнулся, потому что пружина спускового крючка вдруг распрямилась и вырвалась из пальцев. «Ну и ладно, – подумал он, – все равно ее давно пора заменить». Он вставил новую пружину, а заодно разобрал даже рукоятку, сделанную из оленьего рога, чтобы вычистить грязь, накопившуюся в стыках.

«Наставить бы ствол на Форсайта, – подумал Мерфи. – Просто чтобы посмотреть, как у него затрясутся губы от испуга. Вот бы подловить его на какой-нибудь незаконной сделке…. Да нет, у этих парней всегда все шито-крыто. Да и с властями они дружат. Попробуй тронь его, сразу побежит к маршалу Даррету».

Вспомнив о Даррете, шериф снова захотел разобрать пару револьверов. Маршал приезжал в шахтерский поселок зимой, после того, как убили Коннорса. И тогда Томасу Мерфи показалось, что Даррет слишком озабочен заурядным происшествием. Он самолично объехал все индейские стойбища в округе, чтобы побеседовать со стариками. А потом заставил Мерфи расспрашивать всякую пьянь – может, кто слыхал, куда делись лошади, которых перегонял к себе Коннорс. Уж больно они были приметные, таких тут никто не держал – галисеньо, мексиканские пони…

Угоны скота были обычным явлением. Если сразу не удавалось сесть ворам на хвост, то любые поиски были бесполезны. Лошадей Коннорса давным-давно продали и перепродали где-нибудь в Техасе или на знаменитом воровском рынке в Коффивилле, по двадцать баксов за голову, не дороже. Пусть хоть трижды породистые, а больше двадцатки за ворованных лошадей не дают.

Суетливость, проявленная маршалом, была крайне неприятна Томасу Мерфи. Он догадывался – причина излишнего рвения кроется в том, что с Дарретом поговорил прежний хозяин лошадей, мистер Уильям Смит из Аризоны. Наверно, такой же тип, как Форсайт. Богачи тем и отличаются от бедняков, что никогда не могут смириться с потерями. Они готовы потратить тысячу долларов, лишь бы вернуть себе украденную десятку – и наказать вора. А этот Смит, как видно, не успел содрать с Коннорса всех причитающихся денег. Если лошади не найдутся, у него достанет совести выставить счет и вдове…

«Нет, – подумал Томас Мерфи. – Если мне еще раз предложат записаться в помощники федерального маршала, я снова откажусь. Одно дело стеречь шахтерское барахло да разнимать пьяных, и совсем другое – выслуживаться перед богачами».

Он посмотрел в окно – и застыл. Прямо перед крыльцом стояла пара низкорослых крепких лошадок. Томасу Мерфи не надо было заглядывать в справочники по коневодству, чтобы понять – это галисеньо, которых никогда прежде в округе не было.

– У нас опять гости, – доложил Лански. – Питер Уолк привез какого-то калеку. Говорит, тебе не помешает на него взглянуть.

– К черту Уолка! – Мерфи подошел к окну. – Чьи это лошади?

– Я же говорю, Уолк приехал.

Шериф и сам мог бы догадаться, кому принадлежат галисеньо. Таких ладных и чистых фургонов не было ни у кого, кроме Питера Уолка из Мертвой долины. Обычно он запрягал пару, но на этот раз приехал на четверке. За двумя галисеньо стояли лошади покрупнее, но той же масти – гнедые, с аккуратно подстриженным хвостом.

– Не вижу Уолка.

– Он в скобяной лавке. А шериф, говорит, пускай пока заберет раненого.

– Какого еще раненого?

– В фургоне лежит. Я ему говорю, мол, тут у нас не лазарет. А он…

– Заткнись. – Мерфи порылся в бумагах и нашел записку Даррета насчет галисеньо. «Премия за каждую возвращенную лошадь – сто долларов. Все жеребцы гнедой масти, две

кобылы тоже, три другие – бурые. Тавро в виде круга»… – В виде круга? Ну, пойдем, посмотрим.

Лански откинул задний полог фургона и, встав на подножку, заглянул внутрь.

– Эй, приятель! – Он оглянулся на Мерфи. – Томас, да тут, вроде, не раненый, а убитый.

– Посмотрим, посмотрим, – рассеянно ответил шериф, разглядывая тавро на бедре гнедого. Оно имело форму восьмерки. Очень крупной восьмерки. Как раз такой, чтобы перекрыть старое тавро. – Посмотрим… Что ты там бормочешь?

– Томас, да он не дышит!

– Позови-ка сюда Уолка.

Питер Уолк вышел из скобяной лавки, неся на плече ящик с гвоздями.

– Я думал, вы его уже вытащили, – разочарованно протянул он. – Ну, и куда прикажете складывать гвозди? У меня их будет двадцать четыре ящика. Давайте-ка я вам помогу выгрузить бедолагу…

– Не спеши, – остановил его шериф и забрался в фургон.

На соломе, прикрытой грубым полотном, раскинулся тщедушный юнец с редкой бородкой. Глаза его были неплотно закрыты, и казалось, он следит за вошедшими из-под опущенных век. Он тяжело и неровно дышал. Одна рука лежала под головой, другая, без кисти, была обмотана белой тряпкой и покоилась на груди.

Питер Уолк откинул задний борт фургона.

– Отец сказал, что это очень важно, вот я и привез бедолагу к вам. А заодно заберу в лавке свои гвозди. Я их еще осенью заказал.

– Понятно. Если б не гвозди, черта с два ты бы сюда поехал. Опять строишься?

– Понемногу, с Божьей помощью.

– Эй, амиго, слышишь меня? – Шериф потеребил раненого за плечо. – Да нет, похоже, что разговор у нас не получится. Что с рукой?

– Гангрена была, – пояснил Уолк, поставив тяжелый ящик в кузов. – Половину руки пришлось отнять. А началась гангрена из-за пули, которая сидела в руке. Если б отец опоздал, стало бы одним покойником больше.

– Где вы его подобрали?

– На заброшенном ранчо. Отец говорит, приятели бросили парня умирать. Даже воды ему не оставили.

– Кто говорил с ним?

– Да с ним не поговоришь. Он бредит.

– Бредит? В бреду можно услышать немало полезного. Он называл какие-то имена, клички или, к примеру, города?

– Я не слышал ничего такого.

Мерфи еще раз вгляделся в незнакомое лицо.

– Он не наш. Не с карьера. И среди ковбоев я его никогда не видел.

– Давайте выгрузим бедолагу, – нетерпеливо предложил Уолк. – Может быть, его кто-то узнает. Или он сам о себе расскажет, когда придет в себя.

– Ты предлагаешь положить его у дороги? – спросил Мерфи. – Или бросить на забор, как тряпку?

– Разве больше некуда?

– Мне нужно время, чтобы определить парня куда-нибудь.

– А мне нужно грузиться. Как же быть? – Питер Уолк почесал затылок. – Пока ты будешь думать, я потихоньку начну укладывать ящики. И все останутся довольны. Верно?

Мерфи спрыгнул на землю и, проходя мимо лошадей, снова глянул на тавро. Оно было аккуратным и четким, и непохоже на переделку. Однако он хорошо знал, как ловко работают конокрады и их сообщники, сбытчики краденого.

Вернувшись в участок, он растолкал Чокто, спавшего в углу на лавке.

– Умойся. Переоденься во что-нибудь приличное. Потом оседлаешь мою молодую кобылу и отправишься в город. К Даррету. Пусть он выпишет и передаст с тобой ордер на арест Питера Уолка. Обвинение – скупка краденого. Свидетелями пусть запишет меня, Лански и тебя. Ты все понял?

Метис зевнул.

– Вроде все понял. – Он почесал затылок. – Только одно не могу понять: а умываться-то зачем?

– Затем, чтобы маршал пустил тебя на порог! – рявкнул Мерфи.

В окне было видно, как Питер выносил из лавки на дощатый тротуар небольшие, но тяжелые ящики. Затем он принялся перетаскивать их в свой фургон. Лошади встряхивали ушами каждый раз, когда он с грохотом ставил очередной ящик на дно кузова. Когда на тротуаре осталась только пара ящиков, Мерфи, не отворачиваясь от окна, сказал:

– Лански! Ну-ка, пригласи его сюда. А сам беги в контору. Если инженер Скиллард там, пусть даст телеграмму в Аризону. Мол, лошади нашлись, пусть хозяин приезжает для опознания.

– Какие лошади?

– Не твое дело. На обратном пути зайди за фотографом. Нам не помешает портрет этого однорукого. Возможно, его узнают соседи.

Уолк вошел, отдуваясь и вытирая пот со лба.

– Шериф, ты меня задерживаешь. Я уже начинаю жалеть, что связался с этим делом.

– Э, друг, ты еще не знаешь, с каким делом связался, – многозначительно произнес Мерфи. – Кажется, у тебя новые пони?

– Пришлось подпрячь, уж больно тяжелый груз. Две дюжины ящиков по пятьдесят фунтов. А я не люблю лошадей мучить.

– Откуда они у тебя?

– Купил.

– Я понимаю, что не нашел в кустах. У кого купил? Когда? По какой цене?

Уолк вытряхнул платок, аккуратно свернул его и уложил в нагрудный карман.

– Я жду, – сказал Мерфи. – Отвечай.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что мне за это платят. Я должен спрашивать, если чего-то не знаю.

– Ну, от меня ты не много узнаешь. Этих пони покупал не я. Сестра ездила на ярмарку, хорошо поторговала, на выручку приобрела новую сеялку и пару лошадок. Про сеялку могу рассказать больше. Произведена на заводе Маккормика, трехрядная…

– Не прикидывайся дураком, Уолк. Что за тавро такое – «восьмерка»? Я знаю все конюшни в округе, знаю все клейма. «Восьмерка» до сих пор не встречалась.

– На ярмарке можно и не такое встретить, – спокойно ответил Уолк. – Для того их и устраивают, ярмарки, чтобы каждый мог найти что-то новое.

– Ярмарки устраивают не для того, чтобы сбывать краденое.

– О чем ты, шериф?

– Да все о том же. Ты слышал, как погиб твой сосед Коннорс? Если подзабыл, я тебе напомню. Он перегонял табун. Его застрелили, а лошадей похитили. Это были галисеньо, гнедые жеребцы. Точно такие, на каких ты приехал.

– И тавро точно такое? – побледнев, спросил Уолк.

– Его несложно переделать. Надеюсь, ты не потребуешь проверки?

Уолк опустился на стул и расстегнул ворот рубахи. Проверить подлинность тавра можно только одним способом – забить животное и посмотреть на его шкуру изнутри. Так поступают

с бычками, когда возникает спор о принадлежности стада. Одним бычком меньше – не беда. Но погубить лошадь – совсем другое дело…

– Я отдал за эту пару сто долларов, – наконец, сказал Уолк. – Сестра не стала бы покупать лошадей, если б у продавца не было документов. И сам подумай, шериф: стали бы убийцы Коннорса ждать весны, чтобы продать похищенных лошадей?

– Зачем мне думать? – Мерфи пожал плечами. – Думать будет судья. Вот ему ты все и расскажешь. И про сестру, и про сеялку и про то, какие замечательные бумаги были у того продавца на ярмарке. А уж судья решит, чего стоят твои слова. Питер Уолк, я должен арестовать тебя.

– Арестовать? За что?

– За скупку краденого. А также по подозрению в причастности к убийству Эда Коннорса. – Мерфи подвинул к нему пустую коробку из-под галет.– Складывай вещи сюда. Не бойся, ничего не пропадет. Завтра же поедем в город, и Даррет попросит, чтобы наше дело рассмотрели в первую очередь. Я же знаю, у тебя вечно забот по горло. Но эту ночь, ты уж извини, тебе придется провести в участке. Таков порядок.

Уолк расстегнул еще одну пуговицу на рубашке. На его щеках проступили красные пятна.

– Шериф, ты же меня знаешь!

– Именно поэтому мы тут сидим вдвоем. Без посторонних. И заметь, я не стал надевать на тебя наручники.

– Премного благодарен! Но дай мне хотя бы съездить домой! Я вернусь к вечеру, честное слово!

Мерфи сокрушенно развел руками:

– Тебе-то я верю. Но ты и сам знаешь, какие опасные у нас дороги. Вот, Форсайт жалуется, что у него пропали четверо ковбоев. Если такие крутые ребята пропадают, кто поручится за твою безопасность? Мирному фермеру вроде тебя лучше пересидеть ночь под защитой шерифа. А то и до суда не доедешь.

– А мои гвозди? – с отчаянием спросил Уолк. – Их растащат, пока я буду торчать в суде!

– Не беспокойся за свои сокровища. Думаю, с твоим фургоном ничего не случится.

– Сомневаюсь, – буркнул Питер. – Пять минут назад я тоже думал, что со мной ничего не случится.

8

На рассвете Кирилл услышал звонкие размеренные удары – кто-то молотил по висящему куску рельса. Скоро в домах заскрипели двери, и улицы поселка заполнились толпой. Это было мрачное зрелище. Сотни мужчин в одинаковых черных робах шагали туда, где из-за холма выглядывали деревянные вышки и курганы вынутой породы. Там был карьер, и там их ждала работа.

Кирилл поймал себя на том, что немного завидует шахтерам. По крайней мере, они точно знали, куда идут и что их там ждет. А вот он чувствовал себя так, будто посреди океана попал в туман при полном штиле.

Энди снова впал в спячку. Его дыхание было ровным и тихим, почти незаметным. Кирилл позвал его, потом потеребил за нос – безрезультатно. «Колдовское зелье все еще действует», – подумал он и отправился вниз. Позавтракав в компании Бенсона и его прислуги, пожилой мексиканки, Кирилл отправился в конюшню. Расчистил копыта сначала кобыле Брикса, а потом своему мерину, и долго распутывал колтуны в гриве. Это занятие когда-то казалось ему совершенно бессмысленным, а сейчас почему-то доставляло удовольствие. Наверно, потому, что он давно уже не возился с лошадьми.

После обеда он решил заглянуть в лавку, за гостинцами для юных Коннорсов.

На площади стоял фургон, вокруг которого сгрудилась небольшая толпа. Кирилл сразу узнал кряжистую фигуру Питера.

Тот стоял поодаль, угрюмо наблюдая, как выпрягают лошадей. Заметив Кирилла, он вяло улыбнулся:

– Привет. Как здоровье твоего друга? Он все еще спит?

– Нет, проснулся.

– Ненадолго, – сказал Питер. – Поест и снова заснет.

– Так и получилось, – признался Кирилл.

– Ты его не буди, ему надо отлежаться.

– И сколько дней это займет?

– Не знаю. Некоторые лежат неделю, некоторые – три дня. –Питер с досадой махнул рукой: – А у меня горе. Только успел порадоваться парочке пони, как их у меня отнимают. Говорят, краденые. Надо ехать в город, разбираться. Надеюсь, их хозяин приедет раньше, чем они околеют от старости. Теперь вот думаю, как быть с фургоном? Его же растащат, пока меня не будет.

– А когда ты вернешься?

– Если бы знать… Я предлагал целый доллар любому, кто перегонит фургон за реку, ко мне домой, и никто не берется! Оно и понятно. Народ у нас больно пугливый. Смелости хватает только на то, чтобы растащить чужое добро, едва хозяин отвернется.

– Перегнать фургон? Что ж, я помню дорогу к твоей ферме, – сказал Кирилл. – С удовольствием прокачусь.

Лицо Питера осветилось улыбкой:

– Спасибо. Это как с тем дубом, помнишь? Я ждал, что ты сам предложишь помощь.

– Да разве это помощь? Вот если бы я нашел для тебя хорошего адвоката…

– Мы тут разбираемся без адвокатов. Приедет хозяин, он узнает своих лошадей. Или скажет, что это не его лошади. Так тоже бывает.

– Будем надеяться.

Они подошли к фургону.

– Шериф, я договорился! – сказал Питер. – Вот – мой друг, Крис. Он отгонит фургон за реку, и тебе не придется сторожить мое имущество. Давайте вытащим раненого, и покончим с этим делом.

– Чтобы покончить с этим делом, незачем вытаскивать раненого, – ответил шериф. – Раз уж твой фургон возвращается домой, то пусть и парень вернется туда, откуда приехал. Твой отец взялся за лечение, ему и дальше лечить. А когда больной сможет отвечать на вопросы, я его допрошу. Ну, а если лечение не поможет… У вас, Уолков, много пустующей земли. Найдется местечко и для могилы.

– У нас нет пустующей земли. Нет кладбища. И отец не даст ему умереть.

– Посмотрим, посмотрим, – усмехнулся шериф, внимательно оглядывая Кирилла. – Откуда приехал, друг?

– Галвестон, Техас.

– Техасцы считают себя самыми крутыми, особенно когда попадают в Оклахому.

– Я не считаю себя ни крутым, ни техасцем.

– Посмотрим. Имей в виду, если потеряешь по дороге хоть один гвоздь, мистер Уолк выставит неустойку. А если раненый по дороге загнется, то тебе придется отвечать перед законом. Так что вези его бережно, как беременную жену.

Кирилл догадывался, что за раненый лежит в фургоне. Его почти не удивило то, что их дороги снова пересеклись.

– А что, в поселке нет лекаря? – спросил он.

– Есть, – сказал Питер. – Но он лечит только шахтеров. А этот бедолага – чужак. Его никто не знает. Крис, скажи отцу, что я немного задержусь в городе. Гвозди пусть сложит в сарай при мельнице, мы будем строить новый амбар. Но без меня чтоб не начинали. Передашь? Не хочу, чтобы мои зря волновались.

– Передам.

Кирилл вернулся в салун и сказал Бенсону:

– Мне надо отлучиться.

– Ясно. Мы позаботимся о вашем друге. Что ему передать, когда он проснется?

– Да я ненадолго, – сказал Кирилл. – Впрочем… Если задержусь, то пусть он возвращается на ранчо Коннорса. Там и встретимся.

Он подвязал поводья своего мерина к задку фургона, перебрал вожжи и устроился поудобнее на сиденье. Дорога предстояла долгая. Верхом он добрался сюда за пару часов. Значит, теперь путь займет часа четыре. И минут пятнадцать на то, чтобы увидеть Полли…

Ему было стыдно признаться в этом самому себе, но если бы не Полли, он бы не взялся за перегон. Он даже не надеялся перекинуться с ней парой слов. Хотя бы увидеть еще раз. Может быть, старик разрешит ему задержаться. Должен же кто-то разгрузить фургон? Да и раненого надо будет перенести куда-то…. Он оглянулся. Раненый лежал в узком пространстве между ящиками. «Как в гробу, – подумал Кирилл. – Надеюсь, он не отдаст концы раньше срока. Очень хочется с ним потолковать».

Он уже был готов тронуться, когда к фургону подошел один из помощников шерифа. Его рука была по локоть обмотана окровавленной тряпкой.

– Дай-ка я гляну, кого ты везешь.

Когда он протиснулся под откинутый полог, Кирилл невольно отвернулся, не выдержав вони давно не мытого тела. К счастью, шериф закричал с крыльца:

– Чокто! Дженкинс, черт бы тебя побрал, ты еще здесь!

– Ты сам приказал, чтоб я переоделся, – проворчал помощник, выбираясь обратно. – А теперь чем-то недоволен.

– Ну что, налюбовался? Знаешь его?

– Нет.

– Дженкинс, глянь на парня повнимательнее, – сказал шериф.

– Могу и глянуть. От этого ничего не изменится. Я его не знаю.

– Ну, тогда нечего тут торчать! – заорал шериф, не в шутку разозлившись.

Кирилл щелкнул вожжами, и фургон тронулся. «К вечеру вернусь», – подумал он.

Перед дорогой нельзя загадывать, когда вернешься. Ни вслух, ни в мыслях. Кирилл знал это правило, но, как всегда, вспомнил о нем слишком поздно. И, проехав мимо последних бараков поселка, он остановился. Не поленился сходить за винчестером, который остался в седельной кобуре, и за пачкой патронов. Положил карабин за сиденье, а пачку распечатал и пристроил рядом, в удобной нише. Наверно, Питер держал тут флягу с водой. Что ж, у каждого свои привычки.

Кирилл привстал и огляделся. Дорога уходила вдаль, теряясь за холмами.

– К вечеру вернусь, – упрямо повторил он и взмахнул кнутом.

***

За последние годы он привык, что его повсюду сопровождает команда. На шхуне ему почти ничего не приходилось делать самому. Курс прокладывал капитан, матросами командовал боцман, и даже кок не нуждался в его помощи.

Сейчас Кирилл чувствовал себя довольно неуютно, правя лошадьми на безлюдной дороге. Но примерно через час он заметил между холмами двоих всадников.

В этих краях любой незнакомец может оказаться врагом. Но враг, которого видишь, не опасен. И Кирилл спокойно следил за тем, как они приближаются.

Они двигались наперерез фургону. Но не слишком быстро, и, достигнув дороги, оказались у Кирилла за спиной, примерно в двух сотнях шагов. Ему приходилось то и дело оглядываться, чтобы не терять их из виду. Их кони мерно шагали, не догоняя его, и не отставая. Впрочем, было довольно трудно отстать от тяжело груженого фургона, который неспешно катил по пыльной дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.